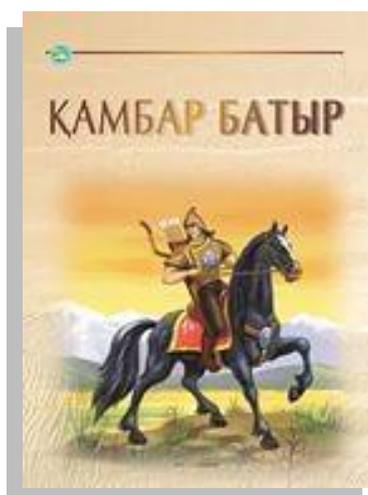

КАЗАХСКИЙ ЭПОС

КАМБАР БАТЫР

Часть I

Раньше обычного двинулись в ту весну на джайлау ногайские роды, что кочевали на самом краю земли казахской. Первыми достигли озера Ну богатые аулы двенадцати разделов.

Рядами стали караваны на зеленых джайляу, и каждый джигит спешил поднять свой шанырык, поставить кереге, наколоть уык да закрыть узук. Белоснежные юрты среди ровной зелени — посмотри, и тебе покажется, что это лебеди легли на зеркальную изумрудную гладь горного озера, распростерши свои белопенные крылья. Блеяли козлята и ягнята, ржали кони, и степь, шелкотравная, колышущаяся, вновь обрела жизнь, и вечернее небо снова наполнилось шумом и гамом.

А через день-другой на джайляу Саз, что располагалось в некотором отдалении от озера Ну, тоже появились люди. Изможденные дальней дорогой, тяжело навьюченные лошади и верблюды ступали медленно, как бы нехотя, и так же медленно поднимались один за другим шаныраки юрт бедного рода ногайлинцев. И не было у них несметных стад и табунов, и не было у них богатства иного, чем они сами, неунывающие бедняки, ставящие свои убогие жилища с подветренной стороны юрт чуть более богатых своих соседей, юрт тесных, низких, крытых грубой темной кошмой. И расположились шестью аулами по десятку юрт. Аргыны и тобырлы составили девять аулов, другие ногайлинцы стали крыло к крылу, колено к колену надежной крепостью, готовой отразить любого врага. Самым сильным и богатым из двенадцати родов был род Азимбая, имевшего шестерых взрослых сыновей. Был знатен и почитаем в алаше Азимбай, владевший несметным количеством скота. Пешему он давал коня, с голодными делил свой дастархан, и поэтому любое слово его имело для сородичей силу закона — кто еще подаст им руку помощи в трудный час, на кого еще опереться, если не на великого Азимбая, чей нрав был суров и грозен, а решения — непоколебимы?

Богат был род Азимбая, но пуще всех драгоценностей и он, и его шестеро сыновей берегли красавицу Назым, единственную дочь Азимбая,

единственную сестру шестерых батыров. В тот год ей как раз исполнилось восемнадцать, и о красоте этой гибкой, как тростинка, девушки складывали песни не только казахи, но и калмыки, что издавна соседствовали с ногайлинцами. Многие были очарованы ее красотой, каждый мечтал стать ее избранником. Но велик был страх джигитов перед грозными сыновьями Азимбая, и влюбленные опасались даже близко подойти к ее аулу, не говоря уже о том, чтобы искать с нею встречи.

Но Назым, которую нежно лелеяли и мать, и отец, и братья, не была избалованной, капризной и ленивой, как это часто случалось с дочерьми других баев. В пять лет она уже теребила шерсть. В шесть — начала сучить нитки для холстины своими слабыми пальчиками. В семь лет взяла в руки иголку и принялась выводить затейливые узоры по шелку. В восемь — пряла пряжу. В девять — могла вырезать красивые орнаменты для одежды. В десять — шила, надев на палец наперсток. В один-надцать научилась заваривать такой вкусный чай, которого отродясь не пивали в ауле. В двенадцать — начала готовить мясо. В тринадцать — сама поставила себе отау. В четырнадцать — ткала холст. В пятнадцать — шутя справлялась одна со всем домашним хозяйством. В шестнадцать — села на скакуна. В семнадцать — сделала стрелы и натянула тетиву лука. А на восемнадцатом году своей юной жизни — запрягла в позолоченную повозку тройку самых быстрых лошадей и впервые выехала на прогулку со сверстницами. К тому же Назым отличалась умом и сообразительностью.

Итак, девушка достигла того возраста, когда сердце начинало трепетать у каждого, кто хоть раз встречал ее. И стар и млад теряли дар речи при виде ее красоты, а тот, кто лишь слышал о Назым, проводил бессонные ночи, мечтая хоть краешком глаза глянуть на нее. Вот почему в этот переезд на джайляу юноши многих аулов о замиранием сердца ждали, когда проедет золоченая повозка Назым.

А весна была в самом разгаре, и люди не могли досыта надышаться ароматом зеленых лугов. Для юношей и девушек это время было особо привлекательным. Весь долгий день они пасли скот или хлопотали по хозяйству, зато ночью оставались под присмотром лишь единственного сторожа джайляу — золоторогого месяца...

В один из дней Азимбай созвал к себе своих детей. Первым преклонил перед ним колена старший, по имени Кабыршак. Рядом с ним, соответственно возрасту, сели Караз, Дараз, Алшыораз, Карымсак и Сарымсак. Заняла свое место перед отцом, сидевшим на торе — самом почетном месте,— и несравненная Назым. Отец помолчал, глядя на своих детей, после чего сказал:

— Сыновья мои, на этом джайляу, у истока реки Ну, впадающей в озеро, родилась сестра ваша, моя единственная дочь Назым. И будет ей этим летом ровно восемнадцать. Мудрые предки говорили: восемнадцать — время зрелости сына и совершеннолетия дочери. Для родителей это время великой радости и великой печали. Сын женится, вводит в дом невестку, а дочь, рожденная для чужого очага, оставляет отцовское гнездо. И еще говорили предки: сын умножает свой род, дочь множит народ. И стоит ли напоминать, что привести в дом сноху и выдать замуж дочь — это не одно и то же...

Азимбай снова задумался, и сыновья с почтением ждали продолжения его речи. Назым смущенно опустила свои черные, прекрасные глаза. — Да, выдать замуж дочь — нелегкое дело... Но как бы ни печалилось сердце, этот день настает. Так сыграем же свадьбу, и пусть вся округа радуется вместе с нами. Объявим всем, что наша Назым достигла совершеннолетия! Что скоро будет праздник для всего народа. И пусть люди выгуливают скакунов для скачек, а борцы готовятся к поединкам! Мы же, дети мои, должны щедро, не скупясь угостить собравшихся, наградить состязающихся богатыми подарками, чтоб слух о нашем празднике прошел по всей степи. Вот почему я велел в этом году откочевать на джайляу раньше обычного. Мы устроим той и положимся на волю аллаха, чтобы Назым стала женой достойнейшего... Это все, что я хотел вам сказать, дети мои... Братья радостно переглянулись. Караз подмигнул Даразу, Карымсак — Сарымсаку, Алшыораз улыбнулся сестре и кивнул ей, поздравляя. Лишь старший, Кабыршак, безмолвствовал, насупившись как сыч.

— Разве свадьбу девушки не справляют лишь после того, как ее родственники получают положенный калым? — наконец пробурчал он. — Такова воля отца. И ты не смеешь препятствовать ему,— быстро ответил Алшыораз.

Азимбай молчал. Молчали и остальные его сыновья, не зная, кого из старших поддержать в этом споре.

И тогда Назым, как бы призывая братьев к спокойствию, встала и низко поклонилась отцу.

— Отец, душа моя! Я благодарна создателю и благодарна вам, родители мои, давшие мне жизнь. Осененная вашей добротой, осыпанная вашими милостями и щедротами росла я, и нет среди моих сверстниц девушки счастливее меня. Есть у меня и дорогая одежда, и драгоценные камни, а шестеро моих братьев — это шесть неприступных крепостей, охраняющих меня. Все вы заботились обо мне, наставляли меня добрым примером, мудрыми советами, и это — клад неиссякаемый, за это я всегда буду в долгу перед вами, бесценный отец мой и мои дорогие братья. И все же у меня есть единственное желание, и я хочу, чтобы вы знали его, прежде чем объявите народу о моем совершеннолетии. Позвольте ли вы говорить мне дальше, отец, или мне умолкнуть, не испытывая более вашей доброты?

— Говори, Назымжан,— велел Азимбай.

— Тогда я решаюсь просить вас... Обычно джигиты сами выбирали невест... Так пусть же и девушка сможет выбрать себе суженого. В тот день, когда вы будете праздновать мое совершеннолетие, я сама укажу на джигита, который мне понравится. Я не хочу идти против вашей воли, но умоляю разрешить мне самой сделать выбор, выбор на всю жизнь. — Ничего себе! Хорошо, если твой жених окажется знатным мырзой, а вдруг ты выберешь какого-нибудь голодранца?— скривился Кабыршак, — Жалеть о том не буду. Лишь бы он понравился мне и я ему,— потупившись, ответила Назым нежным голосом.

— Да разве бедняк может дать хороший калым?— встрял в разговор Караз.

— Зачем вам калым, Караз-ага?— с почтением обратилась к нему Назым.— Я не говорю обо всех казахах, но ведь среди ногайлинцев нет равных нам по богатству. Что толку от сорока лошадей, которых вы получите за меня, если мы не знаем счету своим табунам?..

— Вот как! Ты хочешь, чтобы мы отдали тебя без выкупа?— нахохлился Дараз. Назым не отступала.

— Предки, о которых толковал отец, говорили: «Встретишь достойного — отдавай дочь без выкупа...» И в народе есть поговорка: «Невеста без калыма, зато жених — подарок». Значит, предки наши и раньше выдавали дочерей без выкупа, если попадался хороший человек. Иначе откуда бы взялись эти пословицы и поговорки? Караз и Дараз замешкались с ответом, и Алшыораз заулыбался, видя их растерянность.

— Но как ты собираешься жить, если выйдешь за бедняка?

Назым улыбнулась и сказала:

— Если я полюблю и он меня полюбит, то будем жить своим трудом и умением. Я умею валять войлок, могу соткать ковер. И свекра со свекровью прокормлю — если не бараниной, то зайчатиной. Вольная степь щедра к беднякам, много в ней живности: я и архара в силах подстрелить, и оленя... Не из парчи, так из звериных шкур сошью шубы и для мужа, и для свекра со свекровью, и для себя, и для детей. В мирное время буду хлопотать по хозяйству, а если нападёт враг, стану мужу на подмогу. Пока есть игла в руке и стрелы на поясе, я сильна, братья мои. Все посмотрели на Азимбая, сидевшего в раздумье.

— Уа, алла! Да сбудутся твои слова, дочь моя— наконец медленно выговорил он, благословляя Назым.

Азимбай объявил шести алашам, что назначают смотрины жениха для Назым, и в назначенный день народ Дешти-Кипчака — Великой кипчакской степи — валом повалил в аул, расположенный на берегу озера Ну. Двенадцатилетний юнец и шестидесятилетний старец, пешие и конные, чернь и знать — все собрались здесь. Из громадных черных котлов вываливались на подносы горы вареного мяса, из бесчисленных бурдюков лились реки кумыса. Голодные жадно набрасывались на еду, сытые привередничали, выбирая лакомые кусочки.

Для лихих наездников были устроены скачки — байга и-кокпар — козлодранье. Батыры мерялись силой в борьбе и стрельбе из лука, и победители были щедро награждены. Акыны, жырау, кюйши состязались в

красноречии, но даже им не хватало слов, чтобы воспеть красоту Назым. В полдень, когда той был в разгаре, глашатаи на иноходцах пробрались сквозь толпу, возвещая во все услышанье:

— Смотрины!

— Скорее!

— К утесу Биртобе!

И народ бросился к утесу, причем каждый старался обогнать другого и первым оказаться в указанном месте. И стар и млад спешили к Биртобе, сгорая от нетерпения. Лишь родители Назым, Азимбай и его байбише, остались в своей юрте, привязав к порогу статного белого аргмака с лысинкой на лбу, чтобы с почестями встретить того человека, который назовется сватом, данным богом.

И у черни и у знати была одна мечта: завладеть красавицей Назым без выкупа — о чем еще может думать джигит. Бормоча, обращались они к духам святых и духам предков, ища у них благословения и поддержки. Назым — вот что было для них в этот день символом счастья и богатства. Первыми прискакали к Биртобе молодые джигиты. За ними спешили карасакалы в меховых шапках. Последними ехали старики-аксакалы. Чтобы скрыть свои седины, они нарядились в тымаки из белой алтайской лисы и шубы из белого меха, из-под их широких сапог-саптама виднелись белые шерстяные носки, окаймленные бархатом, белые иноходцы нетерпеливо танцевали под ними, в руках они держали белые посохи наперевес. Они выглядели сдержаннее карасакалов и молодежи, но и у них внутри пылал жаркий огонь нетерпеливой надежды. «Крутитесь вокруг девчонки, которая вам во внучки годится!» — стыдили их джигиты. «С ума сошли старые шайтаны! На красавицу позарились!» — подбавляли жару старухи.

Но аксакалы не смущались и не теряли надежды, хотя точил кое-кого из них червячок сомнения — хорошо, если достанется красавица Назым, а коли нет, тогда что? Тогда засмеют старухи, каждый будет пальцем указывать, проходу в ауле не дадут. И все-таки они упорно стремились к цели, мечтая хотя бы пройтись перед Назым, хотя бы увидеть ее белое лицо. Назым вышла из крытой повозки и, плавно ступая, поднялась на башню Биртобе, что венчала утес. Своих подруг она оставила у подножия башни.

Тонкие ноздри ее трепетали, бледные щеки окрасились румянцем, дыхание участилось. Белое шелковое платье Назым с оборками по подолу казалось собравшимся внизу легким облаком, зацепившимся за вершину утеса, красный камзол, подчеркивающий ее осиную талию, манил взоры...

Назым, помедлив, преклонила колени и трижды поклонилась народу. И колебались в такт ее движениям украшения из филиновых перьев, и сверкало алмазное шитье на шапке...

— Назым!

— Назым!

— Будь счастлива!

— Многих тебе лет!

Люди шумели, но больше всех была взволнована Назым. Ей было страшно — вдруг не определит она в этой толпе самого благородного и достойного, вдруг сделает неправильный выбор! Но возгласы, достигшие ее ушей, казалось, успокоили и ободрили ее. Она прижала к груди тонкие пальцы, унизанные золотыми кольцами и перстнями.

— Родные мои!— сказала она.— Народ мой! Драгоценная колыбель моя! Все вы знаете нашу пословицу: «Равный да пребудет с равным, достойный — с достойным». Наши мудрые предки хотели, чтобы молодые люди сами искали себе пару и жили в счастливой любви и добром согласии. Но мы отчего-то забыли этот завет предков, и до сегодняшнего дня право выбора спутницы жизни было предоставлено только джигитам. Я хочу вернуться к древнему обычаю и думаю, что с сегодняшнего дня девушки тоже смогут выбирать своих суженых. Так пусть же тот, кто желает взять меня в жены, пройдет перед башней и ответит на два моих вопроса. Пусть скажет он, какими достоинствами обладает, чтобы свататься ко мне, и за что я ему полюбилась. Тому, кто понравится мне, я поклонюсь и протяну руки. Но если я не сделаю этого, если никто не придется мне по душе — не взыщите, и пуще того — не таите на меня обиды. Согласны?

— Хорошо, Назым!

— Согласны!

— Да поможет аллах сделать тебе счастливый выбор!.. Всадники беспорядочно столпились перед башней, причем сыновья баев и беков из кожи вон лезли, лишь бы попасть на глаза Назым первыми. Моложавый толстяк в дорогих мехах и златотканом халате вырвался вперед и оказался у самого подножия башни. Небрежно помахивая камчой, беспричинно скалясь во весь рот, он огляделся по сторонам и задрал голову, любуясь красавицей. Может, Назым казалась ему спелым яблоком, готовым сорваться с ветки, может, он грезил, что это яблоко уже у него на ладони, и он то причмокивал, то жмурился как кот, то широко раскрывал, почти выпучивал глаза. После чего вдруг заявил:

— Назым, выходи за меня замуж! Я желаю взять тебя в жены! Люди так и покатались со смеху, услышав его голос и эти нелепые слова.

— Эй, ты лучше скажи, какие у тебя достоинства, чтобы так разговаривать с нашей Назым! — крикнул кто-то из толпы.

— Стоящий джигит никогда так нахально с девушкой разговаривать не станет, — заявил во всеуслышание кто-то другой.

Назым краешком глаза глянула в сторону незадачливого жениха и надменно дернула подбородком, указывая дорогу этому глупцу. Толстяк будто прилип к тому месту, где стоял. С большим трудом стронулся он, и все оглядывался, оглядывался, не сводя глаз с Назым, все еще надеясь на чудо. Но чуда не произошло. Назым и бровью не повела в его сторону. Хохотали люди, раздосадованный толстяк, прокладывая себе дорогу камчой, смешался с толпой, будто и не было его.

— Я из знатного рода, — громко заговорил другой джигит. — Я горжусь этим. Я — выше всяких смердов. Меня не спутаешь с чернью. Я пленен твоей красотой. Я понял: обладать красавицей — это предел и знак могущества. Я люблю тебя...

И Назым снова отвернулась, не желая больше слышать это бесконечное «я». Множество джигитов прошло в этот день перед нею. Одни хвастались тем, что они отпрыски знатных баев, другие, что они приближены ко двору какого-то владыки, третьи похвалялись богатствами своих отцов — беков и

мурз. Бедняки тоже были хороши — пытаюсь угодить Назым, хвастались тоже, но уже не богатством, а своей невиданной скромностью и бескорытием. Но лукавы были и их слова. И ни один из женихов не пришелся Назым по душе. Больше того, все они злили ее, и горестные мысли овладели девушкой. «И этих надутых индюков мы называем мужчинами? Ни один из них не показался мне умным человеком, ни один не мог похвастаться тонкостью чувств и душевным богатством. Их манит, моя красота, мое белое тело. Никто из них не удосужился вспомнить о моей душе. Они равнодушны к тому, что я умею владеть копьем и луком, что я готова защищать родину вместе с мужчинами, если это когда-нибудь понадобится. Они думают о своем, о себе...»

Часть II

Огорченная Назым стояла на башне и в досаде покусывала свои алые, спелые как вишня губы.

Тут к башне гурьбой бросились старики. Они суетились, бранились, толкали друг друга, а кто-то из них даже вцепился соседу в бороду. Они полагали: раз Назым не заинтересовалась молодыми джигитами, то уж теперь-то выбор непременно падет на кого-нибудь из них. Позади всех тащился пожилой горбун, за полы его чапана вцепилась старуха, осыпавшая его градом ударов и кричавшая во весь голос что-то гневное. Увидев суetyащихся стариков, собравшиеся так и покатались от хохота, и это веселье невольно передалось Назым. Но неловко было ей смеяться над людьми, которые ей в отцы годились, и она, нахмутив брови, сделала знак рукой, чтобы остановить не по возрасту разошедшихся аксакалов.

— Ступайте домой, аксакалы, не позорьте своих седин...— Назым огорченно поглядела на тяжело дышащих стариков и вдруг спросила: — Все ли джигиты нашей степи пришли к утесу Биртобе? Или кто-то не захотел явиться сюда?

Послышался ропот, начались пересуды. Люди вопросительно смотрели друг на друга, припоминая. Но вот все стихло, и вперед вышел высокий худой старец с длинной, узкой, седой бородой. Прижимая бороду к груди, он учтиво поклонился Назым и сказал:

— Милая Назымжан, я прожил более ста лет, но этот день запомню на всю оставшуюся жизнь. Сегодня ты поставила на одну доску богатого и бедного, владыку и простолюдина. Честь и слава тебе, что ты вспомнила хороший и добрый, не безнадежно забытый наш обычай. Ты не только возвращаешь гордость простому и бедному люду, но и заботишься о сестрах твоих, о потомках наших, которые вечно будут благодарны тебе за то, что ты подняла дух народный, укрепила веру народа в справедливость. Дочь моя! Я вижу, ты огорчена тем, что не попался тебе сегодня джигит, достойный тебя.

Так слушай же меня — ровней тебе будет тот, который, как и ты, живет заботами о народе. И такой джигит в наших краях есть! Имя его — Камбар. Он из рода ногайлы, что кочует по берегам озера Саз. Днем и ночью не покидает седло Камбар, без усталости заботясь о своем народе, и народ платит ему за это любовью и уважением. Возможно, до него еще не дошла весть о том, что такая девушка, как ты, устроила смотрины, но скорее всего он не может бросить свои дела, оставить хотя бы на время свой народ. Дочь моя, верь мне! Если и есть для тебя достойный жених в наших краях, так это он, Камбар! Я прожил долгую жизнь и могу предсказать: ты не будешь знать покоя, пока не увидишь его...

Когда он закончил, Назым, жадно слушавшая каждое его слово, учтиво поклонилась ему. Вновь громко стучало ее замершее сердце, и лицо красавицы сияло подобно майскому цветку. «Камбар! Камбар!»— повторила она про себя имя, будто боялась забыть его. Народ в молчании глядел на нее. Назым, как бы очнувшись от грез, поблагодарила собравшихся за то, что они откликнулись на приглашение и пришли на смотрины. С улыбкой обратилась она к отвергнутым джигитам, что хмуро стояли в сторонке:

— Батыры, не обессудьте, что никто из вас не полюбился мне. Думаю, аллах даст вам в жены достойных девушек, их много в нашей степи...— и, спустившись с утеса, села в свою повозку, обитую изнутри шелком и бархатом, запряженную легконогими лошадьми. Мягкая повозка убаюкивала Назым, так же, как сама она лелеяла в сердце имя, произнесенное старцем: Камбар! Камбар! Камбар!

Баи, мырзы, беки, султаны, увидев, что больше им надеяться не на что, стали собираться по домам. Сердитые, обескураженные, садились они на коней, вздымая пыль, помчались по степи к своим аулам. Повозка Назым все дальше и дальше удалялась от утеса Биртобе. Оставшиеся с грустью глядели ей вслед. «Нет спросу с сердца, которое еще не охвачено любовью»,— сказал кто-то из них, и люди разошлись по домам, восхваляя ум и красоту прекрасной девушки Назым.

Алимбай был одним из самых знатных ханов у ногай-лы. Народ любил и уважал своего хана, ибо был он строг, но справедлив. Однако знали люди и

великую печаль Алимбая — не было у него детей, а он так хотел иметь наследника.

И вот однажды, когда Алимбаю исполнилось ровно пятьдесят, привиделся ему вещий сон. Сам Кыдыр, покровитель жаждущих, наставлял — Есть у тебя всего два пути: или оставайся ханом до скончания дней твоих и не узнаешь ты ни горя, ни печали, но не будет у тебя детей, или бросай ханский трон, бросай все, бери за руку свою байбише и отправляйся странствовать по белу свету, терпя лишения и страдания. Лишь тогда станет явью твоя мечта и жена родит тебе сына. Ты назовешь его Камбаром. Слушай меня и решайся сделать свой главный выбор. Долго сомневался Алимбай, но все же решил пожертвовать всем ради наследника. И пустились они с байбише в дорогу, раздав все свое имущество, и многие дни провели в бедности и нищете, пока небеса не услышали их мольбы. И навсегда остался Алимбай жить в той лачуге, где родился Камбар, на той земле, что была обогрета кровью, капнувшей с пуповины новорожденного, в том самом ауле, который принадлежал роду аргынов и роду тобырлы.

Бедняки щедрее богачей, потому что делятся даже последними крохами. Полюбили Камбара в ауле, полюбили и его отца. Каждый аулчанин старался принести для новорожденного лакомый кусочек, и вырос Камбар на радость аулчанам сильным и справедливым батыром. Завел Камбар горячего как огонь коня, стремительную борзую и стал промышлять охотой, тем более что зима в этом году оказалась как никогда суровой и почти разорила земляков Камбара. Джут погубил почти весь их скот. Уцелевшая от бескормицы и гололеда скотина с трудом дотянула до весны, и обессиленный от голода и нужды аул еле-еле сумел перекочевать весной на джай-ляу у озера Саз. Мужчин у аргынцев и тобырлинцев было мало, и все тяготы бедного аула пали на плечи Камбара. Он стрелял уток и гусей на озере и добывал куланов, горных козлов, оленей, отчего котлы его односельчан никогда не пустовали. И его земляки благодарили аллаха за то, что он подарил им такого сына. Приближающийся к аулу спутник видел издали, что над каждой юртой развевается знамя, и лишь въехав в аул, понимал свою ошибку — это шкуры добытых охотником животных были вывешены для просушки; шкуры, которые благодаря умелым рукам стариков становились

мягкими как бархат, так что женщины могли шить из них и шапки, и шубы для всего аула.

А в тот день, когда Назым испытывала женихов, Камбар, погруженный в свои обыденные дела и заботы, незаметно оказался в густой, непроходимой лесной чащобе. Его быstroногий тулпар вдруг встрепенулся, застриг ушами, и Камбар внимательно взгляделся в лесной сумрак. На тропе, рядом с плотными зарослями кустарника, лежал растерзанный вепрь. Камбар, охотник опытный и умелый, сразу понял причину его гибели. Конь заметался, всхрапывая, готовый сорваться с места и броситься прочь, хотя сильная рука хозяина крепко держала поводья. И тут Камбар увидел, что к ним мягким пружинящим шагом приближается лев. Глаза хищника горели как уголья, из раскрытой пасти торчали острые как нож клыки, шерсть на загривке вздыбилась. Зверь издал грозное рычание, прижимая уши перед неумолимым прыжком.

Первое, о чем подумал Камбар, это то, что он во что бы то ни стало должен уберечь от смертельных когтей своего верного коня: кто еще будет помогать батыру добывать пропитание для аулчан. Поэтому Камбар, мгновенно спешившись, встал между львом и иноходцем. Когда Камбар был в седле, лев все же не казался ему таким уж грозным, и лишь теперь, на земле, он понял, что встретился с огромным — присевший верблюд, страшным, злобным хищником. Продолжая яростно рычать, лев встал на задние лапы, и с размаху опустил тяжелые передние лапы на плечи Камбара, как бы желая переломить ему хребет. От этого страшного удара у Камбара заложило уши, ему почудилось, что из глаз его посыпались искры. Камбар чуть было не рухнул на колени, теряя сознание, но быстро справился с собой и ухватился за львиную гриву.

Лев, одним ударом лапы повергающий наземь крупного верблюда, впал в еще большую ярость, почувствовав, что это двуногое маломощное существо сопротивляется. Он вонзил свои острые когти в плечи батыра и готов был пустить в ход свои страшные клыки. Но пальцы Камбара клещами сжали горло льва, не давая хищнику сделать последний рывок. Жаркое дыхание, вырвавшееся из его огромной красной пасти, опалило лицо Камбара. Долго они боролись, не в силах одолеть один другого. То владыка леса раскачивал Камбара из стороны в сторону, тряс его, как тряпичную

куклу, то ухитрялся протащить по земле тяжелую извивающуюся львиную тушу. Лев тщетно пытался высвободиться из стального захвата, пальцы Камбара свела судорога, и он не мог разжать их хотя бы для того, чтобы выхватить нож, висевший на поясе.

Руки и плечи батыра обагрились кровью. Он терял последние силы, и колени у него подкашивались. Перед глазами, поплыли красные круги, и он вдруг как бы воочию увидел своих сородичей, с нетерпением дожидаящихся его возвращения. «Что станет с этими людьми, если я, вместо того чтобы добыть для них пропитание, сам стану добычей хищника? Родители... мои дорогие родители, как переживете вы потерю единственного сына-сына, доставшегося вам столь дорогой ценой... сына, на котором прекратится род Алимбая?.. Одинокого никто не услышит, нищий молча глотает дорожную пыль»,— с горечью думал Камбар, и отчаяние овладело им. И в это время пронзительно заржал его верный конь, почувствовавший близкую гибель хозяина. Услышав его ржание, Камбар собрал всю свою волю. «Так просто я не дамся!» Он попытался высвободить правую руку, но обессилевшее плечо было непослушно.

Камбар, преодолевая адскую боль, усиленно задвигался и — о чудо пальцы, сомкнувшиеся на шее льва расслабились, лев, почувствовав приток воздуха задышал свободнее, попытался вырваться из объятий батыра, но в эту же секунду Камбар выхватил кинжал, вонзил его в туловище хищника по рукоятку и распорол брюхо льва. Громадный хищник рухнул замертво на землю.

Переведя дух, Камбар быстро освежевал льва и набросил горячую, пышущую жаром шкуру на свои израненные когтями плечи. Его знобило, но через некоторое время Камбару стало жарко, он вспотел, распарился как в бане, силы понемногу возвращались к нему... Сев на коня, батыр медленно двинулся в сторону аула. Шкуру он по-прежнему держал на плечах. Огромная, как котел, голова льва, его мощные хищные лапы ниспадая волочились по земле. Все это выглядело устрашающе, но Камбар, одолевший этого гиганта, думал о встрече с родными, о своей юрте, где он наконец-то сможет отдохнуть. Настроение у него было хорошее. И в это время на пути его оказались люди, ехавшие с праздника, что устроил для степняков Азимбай, отец Назым. Испугались они, увидев рослого батыра

в львиной шкуре, готовы были броситься наутек. Страшна была львиная голова, так и казалось, что грозный хищник вот-вот оживет и кинется на них. Но Камбар, добродушно улыбаясь, помахал им рукой, и какой-то смельчак из толпы решился подойти поближе, даже осмелился коснуться шкуры льва, чтобы самому убедиться в том, что тот мертв. И люди успокоились, окружили Камбара, восхищенно приговаривая:

— Вот это батыр!

— Победить такое чудовище!

И разнеслась молва о подвиге юноши на всю степь! Достигла она и ушей Назым. И удвоилась любовь ее к бесстрашному батыру, встречи с которым она так жаждала.

Несколько дней отлеживался Камбар, залечивая раны, нанесенные страшными когтями хищника, несколько дней не мог он шевельнуть ни рукой ни ногой. Однако благодарные аулчане быстро выходили его. Одни несли гусиный жир, чтобы смазать его глубокие раны, другие вели последнего ягненка, лишь бы напоить батыра свежей сорпой. Алимбай заколол своего единственного гнедого коня, принеся его в жертву духам за то, что сын вернулся живым. Аксакалы двух аулов, повесив свои пояса на шею, молили аллаха о скорейшем выздоровлении Камбара. И, то ли благодаря всеобщим заботам, то ли этим мольбам, Камбар за несколько дней отдыха и сна вновь почувствовал себя сильным и здоровым. Он встал, прошелся по аулу и с огорчением увидел, что его старенькие родители совсем притомились, ухаживая за ним, а в других юртах у погасших котлов плачут голодные дети.

«Что ж, пора отправляться на охоту»,— решил Камбар. На рассвете следующего дня, взяв серебряную уздечку, он направился к своему коню. Пока Камбар болел, жители двух аулов по очереди пасли вороного, стерегли как зеницу ока, чтобы его не угнали воры и не растерзали дикие звери. И стар и млад считали своим долгом заботиться о верном друге батыра... Завидев хозяина, стреноженный конь заржал радостно и призывно. И так же радостно забилося сердце у Камбара.

Он взнуздал коня, распутал его, расчесал ему гриву, хвост, растер пот, засохший на спине, почистил копыта, ухаживая за ним, как нянька за малым ребенком. Затем надел охотничьи доспехи, посадил ястреба на руку и единым махом взлетел на коня. Тулпар тут же снялся с места и стремительно помчался вперед как стрела, выпущенная из лука. И чем быстрее скакал тулпар, тем пуще подгонял его хозяин. То мчался тулпар, обгоняя борзую, к тому месту, куда падала подстреленная птица, то гнался за подраненным куланом, взмокнув, сбивая копыта об острые камни глухих ущелий. Камбар еще раз порадовался, что не позволил хищнику даже когтем тронуть своего друга, с нежностью обнял шею коня, погладил его шелковую гриву.

— Легкокрылая птица моя, друг мой, как бы я сумел накормить этих людей, не будь на свете тебя?

И вороной согласно закивал головой, как будто и в самом деле понял слова хозяина.

Сутками не покидая седла, Камбар думал лишь об аульчанах. Он знал, в какой юрте появился новорожденный, он помнил, какому старцу приберечь лакомый кусочек, чтобы порадовался аксакал. И если ему приходилось в поисках добычи далеко удалиться от родных мест, он начинал скучать по своему аулу и спешил возвратиться обратно. Выезжая на охоту, зная, что несколько дней он проведет в степи, Камбар всегда оглядывался на аул, как будто видел его в последний раз и хотел запомнить навсегда. И каждая юрта казалась ему воином, готовым насмерть сразиться с врагом — ведь стяг из конского хвоста грозно развевался почти над каждым шаныраком. Камбар улыбнулся и подумал, что нет более счастливой доли, чем служить своему народу. И что ради своего аула он не только со львом или медведем готов сразиться, а способен победить любое зло. Воодушевленный этими мыслями, Камбар подстегнул своего коня.

Мягко ступает вороной, шелковую гриву его треплет ветер, длинная шея вытянута, уши прижаты. И остаются позади леса, холмы, серебристые озера, и степь с высокой ровной травой кажется морем, и земля вращается как веретено с зеленой пряжей, и вороной становится птицей, парящей над землей, а его хозяин — сказочным батыром, едва удерживающимся на ее огромных крыльях... Камбар нежно погладил огромной шершавой ладонью ястреба, сидящего на руке. Оглянувшись, увидел стремительно мчащуюся за

ним борзую. Он знал — стоит ему свистнуть или гикнуть, как она вырвется вперед и легко обгонит коня. Сожмется и разожмется как пружина при виде той поживы, на которую укажет ей хозяин, и бег ее будет столь стремителен, что она станет почти невидимой. И вороной, увидев, что его обгоняют, помчится так, что искры полетят из-под копыт. И сердце Камбара застучит от радости, и от резкого встречного ветра на глазах выступят слезы.

...Ярко светило солнце. Вдали показался аул, состоящий из белоснежных, как яичная скорлупа, юрт, расположенных близ устья реки Ну, впадающей в озеро. Земля вокруг аула была истоптана, что говорило о богатстве его, о том, что много у жителей аула скота и лошадей. От быстрой скачки и жары у Камбара пересохло во рту, и решил он свернуть к богатому аулу, чтобы напиться кумыса. Свора собак бросилась ему навстречу, заливаясь злобным лаем и как будто приговаривая: «А ты кто такой? Нет для тебя кумыса в нашем ауле! Уноси ноги подобру-поздорову!» С визгом окружили они борзую, но как бы ни ярились, подступиться к ней не решались. Борзая и внимания на них не обратила. Она беспечно бежала за всадником, время от времени принюхиваясь, позвякивая ошейником, на крепких и высоких, как у верблюжонка, ногах, с мускулистым телом и гордой осанкой льва, окруженного сворой дворняжек. Камбар вспомнил свой аул, пестрый, как перепелиное яйцо, с юртами, что были крыты латаным перелатаным серым войлоком, сквозь дыры которого ночью можно было сосчитать все звезды на небе.

Бедный аул, откуда навстречу всаднику даже маленький щенок не выбежит, не то что свора злых, откормленных собак. И тяжело вздохнул Камбар — да освободится ли когда-нибудь его народ от пут бедности? Воспрянет ли? Научится ли гордо держать голову? Радость его вмиг схлынула. «Унижаться перед богачами ради глотка кумыса? Нет, никогда! Озеро или река, вот что утолит жажду бедняка», — подумал он и повернул коня к озеру.

Знал бы он, что с того дня, когда прошли смотрины женихов, где аксакал назвал красавице имя Камбара, печаль не покидала Назым. В унынии проходили ее дни, а по ночам она долго не могла заснуть и порой не смыкала глаз до самого утра. И вовсе не потому, что не нашла достойного себе на смотринах, а оттого, что влюбилась в Камбара, которого никогда не видела.

И днем и ночью мечтала она о встрече с ним. И однажды Камбар приснился ей. Красивый, статный, умный, он не был резким и грубым, как остальные джигиты, а казался робким и нежным, как девушка.

— Я тоскую по тебе,— шептала ему во сне Назым.

— Разве я в силах развеять печаль твою?— отвечал он.

Они тянули друг к другу руки, их пальцы вот-вот должны были сомкнуться, но вдруг раздался грозный рык и огромный страшный лев оказался между ними. Камбар, не дрогнув, вступает с ним в схватку, а Назым...

Назым просыпается в слезах и гадает: к чему бы этот сон? Уж не попал ли в беду бесстрашный батыр? Но потом понимает, что сон этот навеян молвой о недавнем подвиге Камбара и понемногу успокаивается. Она и эту ночь провела без сна. Гулко стучало сердце девушки, и стук этот слился с цокотом копыт вороного. Она услышала залиvistый лай собак. Было раннее утро. Назым сидела в правом крыле юрты у своей постели и вышивала шелковыми нитками. Подняв голову, она увидела, что в юрту входит одна из невесток.

— Что тебе?— печально спросила Назым.

— Ничего. Просто хотела посмотреть, какой новый узор ты придумала.

— А почему лают собаки?

— Какой-то всадник на вороном коне проскакал, вот они и бесятся.

Назым подошла к двери. Чуть слышно шуршал белый шелк ее платья, звякнули золотые шолпы. Всадник ехал как раз мимо ее юрты, и какое-то неведомое чувство подсказало ей, что это он, ее Камбар. Батыр мельком глянул на ее сияющее лицо, но тут же опустил глаза и отвернулся.

Часть III

Назым застыла на пороге. Любимый был так близко, но они даже словечком не смогли перемолвиться. Почему не остановился в ауле? Почему отвел глаза, не попросил у девушки напиться, не вступил с ней в беседу? Она была в отчаянии. Лицо ее пылало, в висках гулко стучало. Лишь топот копыт все еще отдавался в ушах. С трудом вернулась в юрту и взяла в руки зеркало. «Что это? Почернело лицо мое или поблекла моя краса? Почему не обратил на меня внимания Камбар?» Нет, нет — лицо ее было по-прежнему белым, лишь на тонких длинных ресницах блестели слезы печали. Она утерла платком слезы, глубоко задумалась и вдруг решительно тряхнула головой. Она поняла — славой и красотой, богатством и хитростью не покорит она сердце Камбара. Только умом своим и смелостью добьется она счастья для них обоих.

Она поручила невестке собрать всех девушек и молодых аула и велела каждой из них спрясть до полудня по веретену шелковой нити. Тридцать женщин и девушек принялись за работу, тридцать женщин и девушек теребили шелк, тридцать веретен забегали, суетливо обгоняя друг друга. Но и языки мастериц не отставали от веретен, и работницы спешили выплеснуть друг другу все последние новости. Веселясь, натянули они спряденные нити, вбив в землю колышки на том пути, по которому должен был возвращаться Камбар. Они смеялись, подшучивали друг над другом, и Назым гневалась на них, ибо ей казалось, что работа идет слишком медленно, что они ни за что не успеют закончить приготовления к возвращению Камбара. Но девушки, шустрые и ловкие, как молодые верблюжата, трудились споро, ловко связывая оборванные нити, и вскоре все окрест наполнилось их веселым щебетом и смехом. Они огородили шелковыми нитями все пространство от белой юрты Назым до самого устья реки, после чего разошлись по домам, вернувшись к своим обыденным заботам.

А Назым удобно устроилась на пороге юрты и стала ждать батыра. Рядом с собой она поставила бурдюк из кожи молодого жеребенка, полный кумыса, расписную чашу — тостаган — и большую ложку с серебряным брелком, чтобы разливать кумыс. А еще принесла она из юрты чашу из

чистого золота, к которой еще ничьи губы не прикасались. Она мечтала встретить здесь Камбара и утолить его жажду. Закончив приготовления, она, чтобы скоротать время, принялась ткать полотно. Белые пальцы ее проворно сновали меж шелковых нитей, как серебряные мальки в речной воде, и привычная работа незаметно увлекла ее.

И снова услышала она стук копыт. Сердце ее затрепетало, слабость овладела ею. Она хотела вскочить, чтобы поприветствовать батыра, о котором говорила вся округа, однако ноги не слушались ее. «Что ж, так тому и быть,— решила она.— Увидит он меня, приблизится, спешится, тогда и встану...»

А Камбар был весел. Охота удалась, и он добыл на этот раз много дичи. Радостно было ему, что не напрасно надеялись на него бедные сородичи, в котлах вскоре снова забулькает сорпа.

И вдруг батыр почувствовал незнакомое нежное благоухание. И пес его, неспешно бегущий перед вороным, вдруг принялся, замер и расчихался, трясая головой и катаясь в придорожной траве. Этот дразнящий аромат учуял еще утром, когда они с хозяином проезжали мимо аула, и теперь этот запах вновь преследовал его, разливался, щекотал ноздри. Благоухание... Как неведомый знак, данный батыру. Камбар поглядел на дорогу и увидел шелковые нити, натянутые от устья реки до белой юрты и прекрасную девушку, ткущую полотно на пороге. И тут же узнал в ней красавицу, которую видел утром, и тут же озарило его, что это и есть та самая Назым, о которой он столь был наслышан и о встрече с которой втайне мечтал, как и всякий джигит этой степи.

Скрывая свои чувства, он посмотрел на все еще чихавшую борзую и расхохотался:

— Мой пес больше привык к запаху гусей и уток, чем к этому дивному благоуханию...

Вороной, услышав его голос, встрепенулся, ожидая команды, но Камбар придержал коня.

Да, он мечтал встретиться с ней хотя бы раз и в то же время страшился этой встречи. Он и сам не понимал, какая сила привела его сегодня в аул красавицы. Степь широка, озер в ней много, дичи везде хватает, но что-то ведь заставило его оказаться здесь? Ведь он давно взял себе за правило избегать богатых аулов, особенно аула Азимбая. Так что же случилось сегодня? Отчего находится он в этом ауле и, возможно, через секунду

заговорит с красавицей Назым, заглянет ей в глаза? Но кто из смертных не любит девушкой? Чьи взоры не притягивает девичья красота? И у батыра, и у разбойника, и у мырзы, и у бедняка одинаково дрогнет сердце при виде красавицы...

Эту дрожь, эту блаженную дрожь, ведущую кого-то из них по гибельному пути слепых, бешеных страстей, а у других перерастающую в настоящую любовь, вдруг почувствовал в своем сердце Камбар. И казалось ему, что Назым не полотно ткет, а тонкими нитями связывает воедино их сердца. Смятение охватило Камбара. Ему хотелось остановиться, побыть рядом с девушкой, но разве смеет он это себе позволить, если дома его ждут не дождутся голодные старики и дети?

Конь чуть было не коснулся натянутых нитей. Камбар еле заметно сдвинул коленями бока вороного, и тот одним махом взял преграду, не задев копытом ни единой ниточки. Назым, ожидавшая, что Камбар появится с правой стороны юрты, вдруг увидела, что он свернул налево. Она ахнула — в этот раз он даже не взглянул на нее! В гневе отшвырнула деревянный палаш, который все еще держала в руках, топнула ногой. «Будь проклято это рукоделие!» — вырвалось у нее.

Вокруг забегали невестки. «Что такое? Что случилось, дорогая?» — волновались они. Назым сумела взять себя в руки.

— Эй, джигит, придержи коня! — крикнула она удаляющемуся Камбару.

Он услышал ее зов и подумал: «Нельзя так небрежно обращаться с девушкой. Стыдно!» — и возвратился к юрте. Сдерживая вороного, развернулся и учтиво поклонился Назым.

Она тоже приветствовала его низким поклоном. Заколебались перья филина, которыми была украшена ее шапочка.

— Скажи, верить ли мне глазам своим? Неужели ты и есть тот самый Камбар, потомок ханского рода? Не обессудь, если я чересчур любопытна, — улыбнулась она.

— Если я потомок ханов, то ты, я полагаю, та самая красавица Назым, о которой толкует народ? Надеюсь, ты не сочтешь меня невежей, я просто очень спешу.

— Мне хватит времени, чтобы сказать тебе: ты и сам притомился, и коня загнал. Будь моим гостем, зайди в мою юрту, выпей свежего ароматного кумыса, утоли жажду. Предки говорили: «Дух выше плоти, а кумыс вкуснее

любой еды». Вот золотая чаша, к которой пока не прикасались ничьи губы, возьми ее. И еще я хочу, чтобы ты знал: многих джигитов пленила моя красота, но для меня в этом мало проку. Я мечтаю о другом. Я надеюсь, что встречу в этой жизни любимого... Не знаю, понимаешь ли ты меня, и поэтому прошу — задержись на один вечер в моем ауле, мне еще многое нужно сказать тебе...

С этими словами она подала чашу, и Камбар залпом осушил ее. Назым, с доброй улыбкой глядевшая на него, взяла чашу из его рук и вновь наполнила ее.

— Хороший человек в глубине души всегда чувствует себя одиноким, и жизнь кажется ему бездонной чашей. Но жажду жизни, как и всякую жажду, можно утолить лишь тогда, когда ты вдосталь напьешься из этой чаши.— Назым снова предложила ему кумыс и с радостью отметила, как понравилось ему угощение.

— Спасибо,— поблагодарил он, вытирая рукавом выступивший на лбу пот.

— На здоровье,— ответила Назым и замолчала, ожидая, что ответит он на ее предложение погостить в ауле.

И то ли кумыс, выпитый натошак, развязал ему азык, то ли откровенность Назым подкупила его, но Камбар без утайки рассказал ей о своей жизни, и Назым узнала, что он — единственный, поздний сын родителей, что взял его отец себе в друзья злую бедность, и бедность эта гложет их род изо дня в день. Что весь скот, который был у них, он, Камбар, по желанию отца, раздал родичам, а себе оставил лишь вороного коня. Что воровать и грабить он не умеет и кормит своих родителей и сородичей тем, что добудет на охоте. Вот к ним он сейчас и спешит — обогреть, накормить, ободрить их. И пусть не сердится она на его откровенность, ведь он говорит с ней как со сверстницей и девушкой, которую уважает народ, а не только как с красавицей, слухами о которой полнится степь.

— Ты правильно говоришь, что мало проку от красоты, если нет любимого. Но я желаю тебе добра. В нашей степи много джигитов, и среди них ты выберешь равного себе.

— Если ты желаешь мне добра, почему не приехал на смотрины? — певуче, но с укором спросила девушка. Или не дошла до тебя весть об этом?

Камбар улыбнулся, покачал головой,

— Я все знал. Потому и не приехал,— сказал он.

— Почему «потому»?— чуть нахмурилась девушка.

— Я не хотел, чтобы ты потом страдала.

— Страдала? Что ты имеешь в виду?

— Я боялся, вдруг встретимся мы с тобой и полюбим друг друга. Ведь настоящая любовь — это когда двое душу друг другу доверяют. Я подумал — вдруг ты выберешь меня, а тебя насильно отдадут за того, кто даст богатый калым. И обернется наша любовь погибелью для нас обоих, и будем страдать мы порознь всю оставшуюся жизнь до самой смерти. Нет, не себя я оберегал, а тебя... тебя, Назым!.. Вот почему в тот день оседлал я вороного и пустился куда глаза глядят, не взяв с собой ни ястреба, ни борзую. Смертельно зол был я на судьбу, одних наделившую несметным богатством, других — нищетой. Может, ярость та и придала мне сил, чтобы победить льва, который в тот день встал на моем пути. А на обратном пути я встретил людей, возвращавшихся со смотрин. От них-то я и узнал, что произошло там. Этих людей удивляла шкура льва, а меня — то, что ты не нашла достойного себе жениха из такого множества славных джигитов...

— Именно тогда я впервые услышала твое имя, Камбар. Столетний аксакал сказал мне: «Камбар родился, чтобы стать светочем нашего народа». И с того дня я стала молиться за тебя, мечтала о встрече с тобой. И когда узнала, что лев, которого ты победил, ранил тебя, места себе не находила... Может, и есть в степи девушка краше меня и джигит достойнее тебя, но мне нет до этого дела. Я полюбила тебя, батыр, и я клянусь, что никогда не укорю тебя бедностью твоего рода. Да что говорить об этом, когда сын даже самого богатого бая не достоин тебя. Мой ум, красоту, мои умелые руки — все это я отдам тебе, лишь бы обрел ты счастье и покой в моих объятиях. Вот что говорю я тебе, и больше мне нечего сказать, повелитель мой! Ваш аул не так далеко, и ты доберешься домой засветло. Подумай и решай сам. А я... я все тебе сказала...

И Назым, внезапно застыдившись, умолкла. Щеки ее зарделись как спелое яблоко. Молчал и Камбар, пораженный ее искренностью.

Солнце клонилось к закату, в воздухе повеяло прохладой. Удлинились тени, вечерний ветерок оживил шелковистую траву-мураву, люди открыли пологи своих белых юрт, в которых они спасались от палящего зноя. Подуло в открытые стены юрт, и жители один за другим стали выходить наружу. А влюбленные по-прежнему ничего не замечали вокруг. — Что скажет твой отец, что скажут твои братья?— задал вопрос Камбар.

Но Назым не успела ответить. Кабыршак, старший сын Азимбая, вынырнул из своей юрты, как сурок из норы, и, подставив грудь прохладному ветерку, блаженствовал, поглаживая свою желтоватую бороденку. Увидев на окраине аула незнакомого всадника и девушку рядом с ним, пристальнее взгляделся и, узнав в девушке, одетой в белое платье, свою сестру, а во всаднике Камбара, завопил:

— Аттан! Аттан!

Засучив рукава, он бросился было к Назым и Камбару, но с полдороги вернулся и стал хлестать в воздухе плетью, призывая: — Где вы, Караз и Дараз? Где вы, Карымсак и Сарымсак? На его вопли сбежались испуганные братья. Кабыршак, указывая пальцем на Камбара, продолжал бесноваться:

— Видите этого босоного оборванца? Он род наш хочет унижить, среди бела дня приставая к нашей сестре! Давайте возьмем кинжалы и расправимся с наглецом!

Весь аул собрался, услышав его вопли. Пятеро сыновей Азимбая, прозванные «пятью забияками», обвешавшись оружием, седлали коней. Шум этот достиг ушей Камбара.

— Вот, Назым, я же говорил тебе, что твои братья никогда не отдадут тебя мне,— горько сказал он.

— Не бойся,— ответила Назым, которая от стыда за братьев не смела поднять на него глаз.

В это время из юрты вышел Алшыораз. — Немедленно остановитесь!— приказал он своим разъяренным братьям.— Не вздумайте обижать Камбара. Это честный человек, и обладает силой, которая, не ровен час, нам понадобится.

— Прочь!— заорал Кабыршак. — Прочь с моего пути!

— Кому нужен этот одинокий наездник. И зачем нам, могущественным сыновьям Азимбая, его помощь? — спесиво надулся Карымсак.

— Уничтожим! — ерепенился Караз.

— Убьем! — ярился Дараз.

— Братья! — Алшыораз хватался за поводья их коней.— Не стоит нам хвастаться своим богатством! Сегодня оно есть, завтра — нет. Джут может погубить наш скот, разбойники могут угнать наши отары и табуны. Один набег, один джут, и мы останемся ни с чем. Камбар может стать нам и защитой, и опорой. Слава о его силе далеко разнеслась по степи, и если наша сестра выйдет за него, он никогда не оставит нас в беде. Братья призадумались над его словами.

— Вон оно как!.. — размышлял Карымсак.

— Верно, верно, брат говорит,— поддержал Алшыораз Сарымсак.

— Разозлишь этого клыкастого, беды потом не оберешься, — пробурчал Дараз.

— И сестрицу нехорошо обижать,— добавил Караз. И они разошлись по своим юртам, не слушая тех проклятий, которыми осыпал их неугомонный Кабыршак.

Назым, довольная тем, что братья угомонились, повеселела:

— Вот видишь, я была права,— сказала она.

— Да, ты была права, но и я прав,— ответил ей Камбар.

— И все-таки подумай о моих словах, батыр,— настаивала Назым.

Камбар молча посмотрел на нее, затем повернул коня и ударил его плеткой. И долго еще отдавался в ушах Назым цокот копыт тулпара, на котором скакал ее любимый.

Часть IV

Говорят, что у степи пятьдесят ушей. Весть о том, что дочь Азимбая искала и не нашла себе жениха, дошла и до калмыцкого хана Карамана. Он, равно как и остальные степняки, был наслышан о небывалой красоте Назым, и хан задумался: «Если среди казахов она не сыскала для себя пары, значит, лишь я, сильный и могущественный, достоин ее. Что ж, возьму красотку в жены, окажу честь этому Азимбаю!» — надменно решил Караман и направил в казахский аул гонцами двадцать джигитов во главе с бывалым, хитрым и речистым Келмембетом, который по этому случаю нарядился в дорогие одежды и унизал свои пальцы золотыми перстнями. На двадцати отборных жеребцах рано утром въехали калмыки в аул Азимбая. Жеребцы, почуяв кобылиц на привязи, заржали, заиграли. Всадники громко переговаривались. В ауле поднялся невыносимый шум и гвалт. Келмембет, широко улыбаясь, подъехал к юрте Азимбая. Но тот холодно принял незваных гостей, явившихся в неурочное время и ведущих себя столь развязно.

Щурясь, как после крепкого сна, Азимбай вышел из юрты с гордо поднятой головой, накинув на плечи лишь волчью поддевку. Смерил их взглядом. «Прискакали на жеребцах, будто лошадей у них мало...» — про себя ответил он и, приблизившись к калмыкам, заговорил:

— Эти голодранцы, днем и ночью шатающиеся в округе, просто житья мне не дают. Угощаются, кланчат в дар лошадей, живут в моем ауле сколько им вздумается, и нет мне покоя от них... — Он сделал вид, будто только сейчас понял, кто перед ним.— А, это, оказывается, ты, Келмембет, сын Керея? Прости... Я поначалу принял тебя за одного из этих босоногих оборванцев. Вижу, явились вы ни свет ни заря, да еще на жеребцах. Прости. Ну выкладывай, зачем приехал, я спать хочу.

— Не удастся тебе больше сегодня поспать, Азимбай, — вместо приветствия сказал Келмембет, развалившись в седле. Он передал узду товарищу и важно подбилсся. — Ты спрашиваешь, зачем я приехал? Имеющий уши да услышит! Я приехал, чтобы уток и гусей, плавающих в

твоим озере, сделать добычей моего орла с золотыми когтями. Я — борзая, которую наслали на твою золотистую лису. Я пришел, чтобы поставить белую юрту на твоим девственном джайляу.

— Как-то непонятно ты изъясняешься, дружок,— усмехнувшись, заметил Азимбай.

У Келмембета загорелись глаза, и он заговорил еще более высокопарно и угрожающе:

— Что ж, если мои слова не доходят до твоих ушей, скажу тебе, что белый бык с острыми как пика рогами учуял твою телку. И не старайся отогнать быка! Сам не заметишь, как окажешься на его рогах! Мой хан желает распластать своим кинжалом спелое яблочко из твоего сада, и он подстрелит белого лебедя, которого ты лелеял и растил! Такова его воля, и если ты не дашь соколу сесть на шест, то пусть твои казахи заранее плачут кровавыми слезами. Несдобровать тогда всему вашему роду, ибо наступит тот день, когда друзья твои будут рыдать, а недруги смеяться над тобой. Я пришел, чтобы сказать тебе это, Азимбай. Теперь ты понял меня?

Азимбай молчал, онемев от гнева.

И Келмембет, помедлив, продолжил:

— Нет, ты пока еще не понял меня, Азимбай, так слушай дальше. Я накину аркан на шею твоего необъезженного скакуна и заставлю его ходить под седлом! Я напущу на ягненка волков, и затрещат ребра у твоего ягненка! Лису твою, что мчится, петляя, по холму, насажу на стальное копьё! Твой красный фазан станет добычей моего ястреба! Мало тебе этого, Азимбай? Теперь ты понял, с каким порученьем я приехал? — сказал Келмембет, натягивая серебряную уздечку. И его свита приосанилась. Двадцать жеребцов заржали одновременно.

— Молчишь? Да... Туповат ты, дружок! Ну что ж, раз ты не понимаешь изысканную речь, буду говорить с тобой по-простому: мой почтенный хан, семь поколений которого не ведали поражений, мой великий повелитель, Караман-хан, который грозен, как Рустам, послал меня к тебе гонцом, ибо он возжелал взять в жены твою дочь Назым, оказав тебе тем самым неслыханную честь. И я пришел, по старому обычаю наших дедов, чтобы

свершить обряд сватовства. А это значит, что ты обязан принимать меня как самого важного гостя! Ты накинешь на мои плечи дорогой чапан из парчи! Ты будешь беспрекословно исполнять все мои желания. Ты зарежешь несметное количество баранов, и кумыс у тебя будет литься рекой! Мы отведаем с тобой курдючного жира — и станем сватами! И не вздумай приглашать на этот той никого из своих сородичей. Мы сами отпразднуем сватовство твоей дочери. Так вели же своим джигитам приготовить нам для ночлега самую просторную юрту! Так вели же своим джигитам разнуздать наших жеребцов и поставить их в стойла. И — поторопись, Азимбай!

— Быстрее!

— Беги!

— Одна нога здесь, другая там...— гоготали джигиты, любуясь своим предводителем.

Краска стыда залила лицо Азимбая. Он стоял в растерянности, не в силах шевельнуться и не находя слов для ответа на такие наглые речи. Келмембет не на шутку разозлился.

— Эй, да ты и вправду ничего не понял!— замахнулся он плетью на Азимбая.

— Не понял!

— Дурень!

— Дурачок! — хохотали джигиты.

В это время Алшыюраз, притаившийся за ближайшей юртой, внезапно выступил вперед.

— Я-то думаю, кто это раскудахтался тут с утра?— заговорил он, приближаясь к гостям. А теперь вижу, что это вы, славные беки хана Карамана. Наслышаны мы, что есть у вас великий муж, ювелир красноречия, некий бий Келмембет. Его ли я вижу пред собой, не обманывают ли меня глаза? И если это ты, Келмембет, позволь назвать тебя старшим братом. Добрые люди не чураются друг друга. Так слезай же с коня, ступай ко мне, и мы хотя бы обнимемся.

Алшыораз направился к Келмембету, и тот, разглядев его внушительную фигуру и отметив про себя, что джигит вооружен, испугался не на шутку. Но тут же вспомнив о мощной своей свите, и самодовольно заулыбался, довольный тем, что Алшыораз польстил ему, назвав старшим братом.

— Эй ты, как там тебя? — небрежно обратился он.

— Алшыораз, — смиренно ответил джигит.

— Алшыораз... Ладно, Алшыораз, я скажу тебе, что ты, на мой взгляд, подобен молодому сильному льву, и мне по нраву такие джигиты, как ты. Но предупреждаю — не вздумай тягаться со мной или обманывать меня. О аллах! Если задумаешь что-либо подобное, несдобровать тебе! В небо я тебя закину, и если пожалею, то поймаю на ладонь, а нет — разобьешься в лепешку. Понял? Понял. Ну если ты такой сообразительный, то постарайся скорее закончить наше дело. И тогда я возьму тебя под свое покровительство... — Келмембет бестолково замахал руками и зычно расхохотался. Веселились и остальные калмыки.

— Пусть будет по-твоему, — сказал Алшыораз.

— Ну что ж, раз так, тогда можно и обняться с тобой...

— Келмембет, не слезая с коня, распахнул объятия Алшыоразу.

Но Алшыораз стальными пальцами схватил его за ворот, выдернул из седла и швырнул к ногам Азимбая.

— Держи его, отец! — задыхаясь от гнева, крикнул он и, вскочив на жеребца Келмембета, бросился на врагов. В мгновение ока срубил он головы сразу двум джигитам. Растерявшиеся от неожиданности калмыки отступали беспорядочной толпой. Алшыораз взял в руки лук. Увидев, что незваные пришельцы дрогнули, весь аул, вооружившись, чем попало, окружил их. Дети и старики, мужчины и женщины, кто с палицей, кто с дубиной, кто просто с палкой, бросились на врага и не оставили в живых никого. Разгневанные люди закопали мертвецов в одной яме и набросали сверху кучу

камней. Вот почему тот курган стал называться позже Калмаккырган — «место гибели калмыков».

А на рассвете следующего дня связанного Келмембета вытолкали из юрты, где он, обмирая со страху, провел ночь, и повели в степь. Там уже стояли те двадцать жеребцов, на которых явились незваные гости. Подведя Келмембета поближе, джигиты при нем выхолостили жеребцов и пустили их в табун... Келмембет дрожал как осиновый лист. Алшыюраз, вынув острый кинжал, медленно приближался к нему, и Келмембет, еще вчера похвалявшийся стереть его в порошок, побелел как полотно и пал ниц, обнимая ноги Алшыюраза, стуча зубами, трясясь и моля о пощаде.

— Нет, брат! Этого жеребца я сам выхолощу!— бросился к ним Кабыршак.

— Лучше привяжем его волосяной веревкой к коню и пустим по степи!— оскалился Карымсак.

— Выкопаем яму и зароем его живьем! — подсказал Караз. При этих словах Келмембет чуть было не лишился рассудка. «Братья, пощадите!» — молил он то Азимбая, то его сыновей, ползая перед ними, и тогда Азимбай, чуть усмехнувшись, сказал:

— Он тоже сын своей матери, бий своего народа и визирь своего хана. Не по своей воле он явился к нам, выполнял приказ своего владыки. Дайте ему коня и пусть убегает прочь. Может, если не он сам, то его потомки оценят когда-нибудь наше милосердие. Достаточно крови уже пролилось, чтобы смыть неслыханное оскорбление, которое Караман нанес нашему роду.

Благодарный Келмембет бросился ему в ноги. Азимбай вскочил на коня и, не глядя на врага, поскакал в аул. И тогда Алшыюраз заговорил с Келмембетом:

— Келмембет, ты перешел все границы приличия, кичась вашим могуществом и богатством. Ты так вознесся, что грозил уничтожить весь наш род. Но в чем мы провинились перед тобой и твоим ханом? Ты не просил, а требовал, чтобы мы отдали ему нашу сестру. Разве мы чем-то обязаны вам?

Разве мы можем смириться с насилием? Ты хочешь превратить наших джигитов в рабов, а девушек в рабынь и наложниц? Знай, не бывает этому! Запомни это и передай своему хану!

— Верно!

— Будьте вы прокляты!

— Сколько наших юношей и девушек сгинуло в неволе!— зашумели окружающие, а Алшыораз продолжил:

— Тому причиной были разбои и набеги, Келмембет. И ты, прекрасно зная это, являешься ни с того ни с сего и среди бела дня дерзко, нагло угрожаешь нам. И ведь не ханшей вы хотите сделать нашу сестру, а одной из многих жен его гарема. Знай, мы никогда не потерпим такого унижения, чтобы нашу Назым приравняли к наложницам.

— Не потерпим!

— Не допустим!

— Защитим нашу Назым! — поддержали его люди.

— Ты пришел с угрозами, и это верный признак того, что ты слишком высокого мнения о себе, а казахи говорят, что тому, кто возгордился, не миновать расплаты. Передан своему хану — каждый народ сам лелеет своих красавиц, сам множит свой род, и разговаривать с вами можно лишь языком мира! А в гибели ваших джигитов виноваты лишь ты и твой хан. А чтоб ты навсегда запомнил мои слова, вот тебе первое наказание...— Он подошел к Келмембету и одним взмахом ножа отсек ему ухо. Келмембет закричал, и Алшыораз велел прижечь его рану обгорелым войлоком, чтобы унять кровь.

— А вот и второе наказание...— Алшыораз острием кинжала рассек обе ноздри Келмембета.— Я бы мог убить тебя или вырезать твой бесстыжий язык, но я не стану делать этого. Ты должен уйти той же дорогой, по которой пришел к нам. Я изувечил твое лицо, хотя ты достоин того, чтоб и душу из тебя вынуть. Ступай и помни мои слова!

— Ну что ж, благодарение тебе, что хоть в живых меня оставил!— угрюмо отозвался Келмембет.— И если я не стану добычей диких степных зверей, то обязательно все передам хану,— пообещал он, и глаза у него недобро сверкнули.

Алшыораз посадил Келмембета на одного из выхолощенных жеребцов и стегнул коня плеткой.

Возблагодарив всевышнего за то, что набег отражен, люди разошлись по своим юртам, а то место, где Алшыораз свершил свой приговор, с тех пор так и зовется Кулаккескен — «место, где было отсечено ухо».

А что же Караман? Хан калмыков сидел окруженный своими визирями и лениво вслушивался в их слова. Визирь вразнобой толковали о каких-то обыденных делах, а он думал лишь о том, что мучило его все эти дни и ночи — о юной девушке, за которой он отправил Келмембета. Сластолюбивый хан, готовый отдать за женщину несметное богатство, если она приглянулась ему, сгорал от желания поскорей увидеть красавицу-казашку, и у него темнело в глазах от мысли, что вскоре она будет принадлежать ему и он вдосталь натешится ее молодостью и красотой.

Джайляу казахов находилось от ханской ставки на расстоянии одного дневного перехода, и гонцы должны были вернуться еще третьего дня, даже если бы они и заночевали в ауле Азимбая. Но шли уже пятые сутки, а вестей от них все не было. Может, верный Келмембет решил сразу привезти ее, со всем скарбом и приданым? Ведь она не нашла жениха среди своих, так о чем же ей еще мечтать, когда сам степной владыка сватается к ней? Говорят, она бела как лебедь. Что ж, так тому и быть — черный орел опустится на ее белую грудь...

Так мечтал хан, пока не донеслись до него чьи-то гнусавые вопли. — Мой господин, я уничтожен, уничтожен!— слышалось издалека. Хан вышел из дворца. О, небеса! Перед ним стоял оборванец, внешне напоминающий Келмембета, но с чужим обезображенным лицом, весь в засохшей крови и многодневной пыли,..

— Эй, да это Келмембет!

— Да, это Келеке!— заговорили визири. Слуги забегали, поддерживая измученного дорогой Келмембета, но он оттолкнул их, сел поджав ноги и, гнусаая, начал рассказывать, что сделали с гонцами Карамана в ауле Азимбая.

Выслушав его долгий рассказ, неоднократно прерываемый рыданиями, почернел от ярости хан Караман. В тот же день он разослал гонцов во все аулы, чтобы собрать пятитысячное войско и строго наказать ослушников, чтобы они навеки запомнили, кто здесь истинный хозяин. Как встревоженный улей гудело воинство Карамана. Джигиты хвастались, что всех девушек рода ногаев превратят в баб, а мужчин истребят. Вскоре все военные приготовления были закончены. Затрубили боевые трубы, огромное войско, выстроившись четыре человека в ряд, тронулось в поход, растянувшись по степи как бесконечно длинная змея. Оказавшись на воле, скучающие от безделья джигиты резвились вовсю. Они устраивали скачки, конные игры, стучали копьями и мечами. Впереди этой беснующейся орды ехал сам Караман, сверкавший золотом шлема и серебром доспехов. Взять в жены прекрасную Назым я вдоволь поглумиться над ее народом — что ж, кажется, мечта хана начинала сбываться... Через день войско Карамана остановилось неподалеку от аула Азимбая. Ханский шатер, окруженный в самом центре лагеря. И, увидев все это, замер от страха Азимбай. Растерянный, осыпал он упреками Алшыюраза. «Все беды начались с того, что ты накинулся на Келмембета!»— твердил он, со слезами вознося молитву богу и моля его о помощи.

Весь аул переполошился при виде несметного воинства. Плакали дети, женщины бестолково сновали меж юрт, хмурились мужчины. Лишь Назым встала рядом с Алшыюразом, давая тем самым понять, что скорее погибнет на поле боя, чем согласится стать женой Карамана.

Хан собрал военный совет в своем шатре.

— Надо послать гонца к Азимбаю,— посовещавшись, решили визири.— Если добром не отдаст дочь, всех в ауле перебьем.

— Отдаст он или не отдаст дочь, аул мы все равно разорим,— отрезал хан.

В ханский шатер был вызван Келмембет.

— Ну, Келмембет, — сказал Караман, — настала для тебя пора сквитаться со своими обидчиками. Бери сорок воинов и ступай в аул. Нам нужно знать: намерен Азимбай выдать за меня Назым или нет. Принесешь мне ответ на эти слова, а что им еще сказать, это ты и без меня знаешь. Получив приказ, Келмембет сел на коня и в сопровождении вооруженных до зубов джигитов въехал в аул. Приблизившись к юрте Азимбая, он важно загнусавил:

— Уа, Азимбай, выходи, если ты дома, и держи ответ за свои дела. Караман с несметным войском стоит у твоего аула. Признаешь его зятем — он простит тебя, будешь упрямитесь — прольется и твоя кровь, и кровь твоего народа. Я пришел, чтобы предотвратить кровопролитие, хотя еще не зажили раны мои и обида душит меня. Я — Келмембет. Выйди, и, может быть, ты узнаешь меня. И ты, Алшыюраз, выходи! Где ты? Отзовись! Если ты, Азимбай, и на этот раз станешь противиться мне, Караман превратит ваш аул в прах, а твоя жена станет одной из моих рабынь. Так и знай! Сказав все это, Келмембет на всякий случай все же скрылся за спинами своих джигитов, страшась появления Алшыюраза.

Азимбай слышал его грозные слова и трижды порывался подняться, однако ноги не слушались его. В груди у него натужно хрипело, тряслись колени, и он молил ангелов о пощаде. Собрав остаток сил он, едва ступая, появился на пороге.

— А, Келмембет, опять ты явился? Что ж, проходи на почетное место, будешь нашим гостем.— Он пытался своим смиренным голосом улестить Келмембета и, кажется, это начинало ему удаваться.— Если ты пришел за скотиной, то я не стану скупиться и отдам твоему хану все, что он пожелает. И сам не гневайся на нас. Что было, то было. В народе говорят: хороший человек помнит обиду, пока его шелковый платок не высохнет, плохой — пока его голова не начнет клониться. Не тужи о том, чего не вернуть, не хватай брата за ворот и, если можешь, помоги тому, кто преклоняется перед

твоим могуществом. Вчера ты молил меня оставить тебе жизнь, сегодня настала моя очередь. Так войди же со своими спутниками в мои покои, чтобы утолить жажду. Пока вы будете отдыхать, я посоветуюсь с женой и детьми, как получше ублажить твоего владыку. Умерь свой гнев, притуши ярость, сойди с коня, и ты получишь все, что хочешь. Сказав это, Азимбай низко поклонился калмыкам. И сорок его джигитов шагнули вперед со смиренно склоненными головами, готовые принять гостей.

И все же Келмембет колебался. Слишком памятен был прошлый приезд, когда все его друзья остались лежать под камнями, а он избежал смерти лишь благодаря Азимбая. «Что говорить, действительно, он даровал мне жизнь. Не защити меня Азимбай от своих волчат, не гарцевать бы мне сейчас здесь. Пожалуй, можно спешиться...» — подумал Келмембет и спрыгнул на землю. Его спутники последовали примеру предводителя, и джигиты Азимбая приняли у них коней. Келмембет снова поискал глазами Алшыораза и снова его не нашел.

Часть V

Азимбай же тем временем собрал всех своих сородичей в юрте Кабыршака и, когда все они расселись от порога до самого торя, вдруг зарыдал, и слезы омывали его длинную бороду.

— Уа, родные мои!— с трудом начал он. — Настал и для нас черный день. Черная как ночь сила стала у наших стен, в судьбу нашу решит единственное слово. Скажем нет—исчезнем с лица земли. Каждый из нас, мужчин, окажется на острие копья или будет зарублен, копыта растопчут наших детей, а женщин станут рабынями калмыков. Горе, родные мои! Аул они предадут огню, и наши джайляу останутся пустовать навеки. Если мы скажем «нет», то сгинет наш род... И если не всем казахам, то нам не существовать более никогда...

Азимбай осушил слезы шелковым платком и продолжил: — А если калмыки услышат «да», мы останемся живы, только один из нашего рода будет отдан в жертву. Раньше казахи говорили: «Молодой барашек обречен на заклание», и слова эти относятся сегодня к Назым, моей единственной дочери. Но, видно, уж такова судьба. Ведь дочь с рождения предназначена для другого рода, потому как сын — это опора, а дочь — посредник между народами. Через дочерей сближаются чуждые друг другу племена, только дочери могут породнить их. Девушку берет в жены и хан, и простолюдин. Но если за простолюдинов выходят тысячи девушек, то владыка выбирает себе одну из тысячи. Я склоняюсь к тому, чтобы отдать нашу Назымжан калмыцкому хану. И не ради меня или вас, а ради благополучия всего нашего рода. Так думаю я, а что скажете вы? Он вновь вытер повлажневшие глаза.

Присутствующие молчали, опустив головы. И лишь визгливый голос Кабыршака нарушил тишину:

— Правильно! Надо пожертвовать девчонкой и избавиться от врагов. Неужели мы все здесь из-за нее погибнуть должны?— По привычке старший сын Азимбая после каждого слова, пыжась, поглядывал через плечо и вертел

головой, ожидая чьей-нибудь поддержки. Но все по-прежнему молчали, и он, зло дернув плечом, закончил: — Прав отец, дочь для чужих предназначена, так что нечего здесь много толковать...

— Дочь предназначена для другого рода, но не для врагов,— перебил его Алшыораз, только что вошедший в юрту.— Еще ни один казах добровольно не отдавал сестру свою врагам! И как мы будем жить после такого предательства? Как в глаза друг другу смотреть? Неужели мы столь уж бессильны? Разве не найдется никого, кто мог бы помочь нашему роду? Кабыршак сделал вид, что не расслышал взволнованных слов брата. Караз, Дараз, Карымсак и Сарымсак ждали, что скажет отец. Азимбай внимательно взгляделся в мужественное лицо Алшыораз.

— Ты верно говоришь, сынок,— печально сказал он.— Казахи живут далеко друг от друга, и, пока дойдет до них весть о помощи, наш многочисленный род будет потоплен в крови... Я об этом уже думал...

— Может, другие и далеко, но ведь наши-то, ногайлинцы, рядом,— не уступал Алшыораз.

И при этих словах многие с надеждой встрепенулись.

— А ведь и правда.

— В самом деле.

— Есть ногайлинцы.

— Есть аргыны, тобырлы...

— Есть Камбар-батыр. Он льва голыми руками задушил...

— Камбар?! — взвился Кабыршак при упоминании этого ненавистного для него имени.— И ты, Алшыораз, смеешь говорить о нем? Да ты сам во всем виноват! Ведь это ты совершил неслыханное, отрезав ухо гонцу Карамана, могущественнейшего из ханов. А теперь вспомнил голодранца, который крутился возле нашей сестры? Нет, Алшыораз, мы не станем молить о помощи твоего Камбара. Лучше я буду ханским шурином, чем унижусь просьбами перед нищим! Ты понял меня? И он снова задергал плечами.

— Если тебе дорога твоя жизнь и не безразлична судьба нашего рода — попросишь,— ответил Алшыораз.— А чьим шурином тебе стать, это аллах решит...

— Верно говоришь, сынок,— кивнул один из аксакалов.— Как говорится: «Сначала посоветуйся, а потом шубу берись кроить, если хочешь, чтоб она тебе по плечу оказалась». Надо послать за Камбаром. В нем наша надежда на спасение...

— Правильно...

— Верно...

— Бай землю стережет, батыр народ бережет...

— Когда же еще нужна богатырская сила, как не в эту трудную минуту?

На этом споры закончились, все дружно решили призвать на помощь Камбара.

— Хорошую пословицу вспомнили вы, братья, про батыра, который бережет свой народ,— сказал Алшыораз.— Но Камбар обижен на нас из-за Кабыршака, ведь брат оскорбил его, когда тот появился в нашем ауле. Чтобы искупить вину, мы должны явиться к нему с девятью кобылицами и со всем их приплодом. Мы расскажем ему, какая опасность грозит всем нам. Лишь тогда Камбар ради всех нас, ради народа, ради прекрасной Назым оседлает своего вороного. А пока Камбар с нами, нам никакой враг не страшен, помяните мое слово...

— Я доволен вашим решением,— поднял голову Азимбай.— Пусть все будет так, как вы говорите. Но пока просьба о помощи достигнет ушей Камбара, мы чем-то должны отвлечь наших грозных гостей...

И люди аула повеселели. И затеплилась надежда в потаенных уголках их души, развязались языки. Все заговорили, зашептались. И не чудом ли было, что лишь одно имя — Камбар — сразу же придало им столько бодрости и силы?

— Велите резать баранов, угощайте калмыков,— распоряжался Азимбай.— Будем слушать Келмембета, пусть он даст волю красноречию,

пока ему самому не надоест болтать. А проводив их, тут же пошлем гонца за Камбаром. Ну, братья, вам предстоят великие дела. Не суетитесь, не теряйтесь, будьте хладнокровными... А сейчас все, кроме Алшыюраза, следуйте за мной... Келмембет ненавидит и боится его...

Во главе большой толпы джигитов Азимбай направился к юрте, где нежился Келмембет. Увидев, что к ним идут, Келмембет опять сильно испугался и спрятался за джигитов, окружавших его со всех сторон. Глазки у него забегали, высматривая в толпе Алшыюраза, но Азимбай, оставив всех у входа, вошел в юрту один. У самого порога он опустился на колени и коснулся земли белоснежной бородой. Это означало, что он готов исполнить любое его желание. И Келмембет успокоился. Он тут же растолкал джигитов, за которыми прятался, и, скрывая растерянность, достал из кармана шелковый платок, чтобы вытереть взмокший лоб.

— Добрейший и величайший Келмембет, мы все склоняем головы перед тобою. Мы предлагаем забыть наши раздоры, тебе и твоим людям отужинать, выкурить кальян и с веселым, хорошим настроением вернуться в свой стан. Для тебя мы заколем жеребенка, для твоих друзей — баранов. Всем вам будет оказан надлежащий почет и соответствующее вашему положению уважение. Что ты скажешь в ответ на это?

— Пусть будет так,— важно отозвался довольный словами старика Келмембет.

Азимбай снова склонился в поклоне.

— Для сорока человек эта юрта тесна, я хочу предложить тебе и твоим людям перейти в другую, более просторную юрту чтоб вольнее было пировать. Ты согласен, величайший из людей Келмембет?

— Пусть будет так,— снова повторил Келмембет, и казалось, что он заучил эту фразу наизусть. Однако, немного подумав, он вдруг переменял свое решение и добавил: — Нет, мы будем пировать вместе, Азимбай, и мы будем пировать в этой юрте.

— Слушаюсь,— склонился в поклоне Азимбай.— Тогда позволь к этой юрте приставить еще одну. Одна будет для гостей, другая — для челяди, которая будет вас обслуживать. Что на это скажешь, мудрейший Келмембет?

Келмембет посопел и согласно кивнул головой. А вокруг кипела работа. Одни джигиты отправились за скотом для гостей, другие ставили котлы. Десять джигитов таскали бурдюки с кумысом, двадцать—не разбирая, перенесли восьмикрылую юрту и установили ее рядом с той, где находились калмыки, так что две юрты, сообщающиеся через дверь, превратились в роскошный дворец, способный вместить не менее сотни пирующих. Внутри расстелили новехонькие, шуршащие шелком одеяла и положили под локоть каждому гостю по белоснежной подушке. На расстеленных цветных скатертях появились расписные пиалы, наполненные золотистым кумысом.

Резали баранов, жеребят. Пылали огни в очагах. Кипели котлы, распространяя окрест аромат вареного мяса. Быстроногие джигиты встали цепочкой, передавая из рук в руки тяжелые блюда. Из юрт посуда возвращалась наполненная обглоданными костями, их вываливали на поживу собакам. И кобели, рыча, дрались между собой за самую большую и жирную кость. Ведь всем известно — голодный довольствуется тем, что есть, а сытый —

драчлив.

А когда калмыки наконец-то насытились, джигиты, убрав дастархан, поставили медные тазы и принялись поливать гостям на руки из медных кувшинов. Келмембета радовала струя приятной теплой воды, и он долго не убирал ладони. Но вот уже другой джигит протягивал ему мягкое мохнатое полотенце, и Келмембет от удовольствия. Началось церемониальное подношение подарков. В юрту был внесен роскошный парчовый халат, причем двое джигитов держали его за рукава, двое за подол. Остальные джигиты во главе с Азимбаем набросили его на плечи Келмембета. Ниспадающий до полу халат, с золотым шитьем по вороту, ласкал взгляд. Голову Келмембета украсила богатая норковая шапка, талию обхватил пояс, расшитый серебром. Калмыки шумно, вразнобой поздравляли своего мырзу, и Келмембет, важничая пуще прежнего, приосанился, искоса поглядывая на свой новый халат и ощупывая шапку.

Тут в юрту вошли сорок юных девушек. Все они, совершив ритуальный поклон, надели на головы каждого из калмыков дорогие меховые шапки в так же быстро покинули юрту. А сам Азимбай снова обратился к Келмембету:

— А теперь, досточтимый Келмембет, чтобы не застыдились твои руки головы в норковой шапке и плеч, укутанных парчой, возьми в правую руку повод белого коня, в левую — повод вороного. И не обессудь за такие скромные дары! Сбруи коней из чистого серебра, седла покрыты шелковыми попонами, которые расшиты золотом. Не обессудь!

Приподнялся полог юрты, и перед нею провели белого и вороного коней, чтобы Келмембет, не выходя наружу, смог по достоинству их оценить.

— Прими наши дары как знак высокого уважения к тебе, о великий визирь великого хана,— закончил Азимбай, склонившись в почтительном поклоне.

Келмембет, растроганный щедрыми подарками, ответил ему так:

— Азимбай, дорогой, благодарю тебя, что ты внимательно выслушал меня и отнесся ко мне, как того требует мой сан. В этот раз никто не обидел меня. По правде сказать, когда начал съезжаться народ из близлежащих аулов, я немного испугался, мне почудилось, что вы задумали снова расправиться со мной. Но вспомнил, что даже в прошлый раз, когда ты полагал, что я виновен перед тобою, ты все же не предал меня смерти. Я навсегда запомню это... И я... доволен тобой, твоей предусмотрительностью, твоим умом. Ты поступаешь мудро, решив выдать дочь за нашего хана. Это — мудрый поступок. А иначе — много крови пролилось бы в этой степи... Келмембет собрал и положил себе на колени плетку, вьющуюся подле его ног как желтая змея. Тем самым он давал понять, что теперь слушает Азимбая. Азимбай в свою очередь снял с пояса посеребренный ремень, бросил его на землю и, подумав, сказал:

— Келмембет, к старости человек теряет красноречие, и его слова утрачивают былую силу. Слова, которые еще совсем недавно казались железными, теперь рвутся как гнилая веревка. Ослушавшись меня и поддавшись на уговоры глупых родичей, мой сын Алшыюраз обидел тебя, но, скажу по чести,— старый верблюд пока еще не утратил своей силы. На этот раз я заставил домочадцев подчиниться моей воле и помощницей мне была Назымжан, сказавшая: «Лучше валяться в ногах у хана, чем делить постель с простолудином. Караман манит меня, и я не оттолкну священной руки хана». Келмембет, ты знаешь, что охотников до моей дочери множество. Но

правильно говорится: получает не тот, кто всех обгонит, а тот, кому суждено это получить. Я рад, что все складывается так удачно и моя Назымжан достанется твоему владыке.

Часть VI

Азимбай незаметно коснулся рукой кинжала, висевшего на поясе. По старому обычаю, клятва, данная на лезвии ножа, не имела силы, и лишь затем сказал те решающие слова, с которыми гонец должен был вернуться в ханскую ставку:

— Отныне Караман мой зять, а я его тесть. Помни это, Келмембет, и знай — я не нищий. Назым моя единственная дочь. Прежде чем выдать ее замуж, я устрою пир и игры в сорок дней и ночей. Завтра мои люди займутся отбором лошадей для тоя, наполнят кумысом множество бурдюков, а я должен буду позаботиться о приданом, достойном великого хана. Оповещу всех казахов, всех приглашу на пир, и мы справим эту свадьбу всем4 миром. Доведи до сиятельных ушей хана Карамана то, что ты от меня услышал, досточтимый Келмембет.

...Гонец возвращался домой в прекрасном расположении духа. Расшитый золотом воротник подаренного халата так и сваял на солнце. «Одежда, достойная хана,— гордясь собой, думал Келмембет.— Встреться сейчас, так и скатится с коня, чтоб меня поприветствовав даже и не заметив его.

— Такого халата и у самого Карамана нету. А что, если Караману приглянется мой халат? — Келмембет решительно покачал головой.— Нет, хан, каждому свое! Тебе — лелеять красавицу, мне — носить этот халат. Дважды побывал я в пасти льва ради того, чтоб добыть для тебя казашку. Так неужели я даже такой мелочи не достоин?..»

Он с умилением посмотрел на скакунов, подаренных ему Азимбаем, которые отличались от низкорослых калмыцких лошадок размерами и статью, и велел своей свите остановиться. Сначала он сел на белого иноходца, и тот, взмахнув гривой, понес его так быстро, что спутники Келмембета мгновенно остались далеко позади. Растроганный Келмембет даже прослезился от счастья, он чувствовал себя летящим на сказочном тулпаре. Затем он пересел на вороного. И этот конь пришелся ему по душе.

Вскоре показались белые шатры ханской ставки. Келмембет приказал своим джигитам надеть подаренные шапки и снова пересел на белого иноходца. Когда до ханского шатра осталось сорок шагов, все спешили, и Келмембет направился к хану, держа в поводу белого коня. Он привязал коня и бросился хану в ноги.

— Высокочтимый повелитель, рад видеть тебя в добром здравии,— приложил он руку к сердцу.

— Ну, какие вести ты мне принес, Келмембет? — с нетерпением спросил хан, маявшийся в ожидании своего гонца. — Осчастливишь ли ты меня, или печальными будут твои речи? Я вижу, ты возвратился на белом казахском скакуне, а твои славные джигиты в казахских шапках.

— Подо мной белый иноходец, а ты взнуздаешь упрямую красавицу Назым, досточтимый хан. Мои джигиты возвратились в дорогих шапках, подаренных казашками. Эти сорок шапок, драгоценный мой хан, — послание от красавицы Назым, означающее, что через сорок дней она станет твоей женой. Твой тесть Азимбай нижайше кланяется тебе и просит, чтобы ты подождал сорок дней. Он — почитаемый казахами человек и должен устроить для них той в своем ауле.

Довольная улыбка поползла по губам Карамана. Эх, ждать сорок дней! Как хотелось бы прямо сейчас сжать в объятиях красавицу! Но что делать, у каждого народа свои обычаи. Враждуя с казахами, можно добыть девушку в схватке, но если хотя бы делаешь вид, что стремишься к миру,— нужно запастись терпением, ничего другого не остается! Утешив себя такими размышлениями, Караман обратился к Келмембету:

— Ну, а теперь рассказывай, как все было. Келмембет только и ждал этого. Он приосанился и зачастил:

— Бесценный хан, двенадцать казахских аулов трепетали передо мной при единственном упоминании твоего светлейшего имени! Когда Азимбай увидел меня во главе отряда в сорок джигитов, он взвыл, будто сам Азраил к нему в аул явился. Старик выбежал из юрты и на коленях стал просить прощения, подметая своей бородой пыль у моих ног. Шестеро его доблестных сыновей выстелились под моими ногами вместо ковра, и, ступая по их спинам, я прошел в юрту. А кого мне страшиться, когда за моей спиной

такой могущественный владыка, как ты, хан Караман? Со всеми почестями проводили меня на почетное: место, навалили передо мной горы драгоценных камней, слитки, величиной с копыто жеребенка. Кажется, среди них даже был слиток золота размером с лошадиную голову.

«Прости Келмембет, все это возмещение за твое отсеченное ухо»,— молил меня Азимбай. Но я нахмурился так, что от бровей моих повеяло холодом: «Прощу тебя лишь в том случае, если ты отдашь свою дочь за моего владыку Карамана. А пока — убери все это и не мечтай меня подкупить!» И я пнул эту кучу золота и серебра, а старик так и затрясся от страха!

Келмембет подобострастно склонился перед Караманом и продолжил: — Мои хан, этот Азимбай был так зол на своего сына Алшыюраза, что сказал мне: «Вот он! Если хочешь, можешь убить его своими руками!» Хотел я перерезать глотку этому паршивцу, но все же сдержал свой гнев. Коль суждено нам с ними породниться, то каким бы ни был глупым этот Алшыюраз, он все же мужчина, джигит. И я милостиво даровал ему его ничтожную жизнь! Итак, в награду за мое отсеченное ухо Азимбай дарит тебе свою дочь, луноликую Назым. И если эта весть пришла к тебе по душе, то я припадаю к твоим стонам и по обычаю, прошу суюнши.

Келмембет распростерся перед Караманом так, что стесал лбом о землю. Хан велел ему подняться, но похлопал верного визиря по спине.

— Я доволен тобой, Келмембет. И пока я жив, тебя больше никто даже пальцем тронуть не посмеет! Моя казна обширна, и она всегда будет открыта для тебя, вот тебе награда за добрую весть!

Возликовала душа Карамана! И воины, разделяя радость владыки, заиграли в сырнай, стали готовиться к большому празднику. В походных котлах уже варилось мясо для веселого пиршества...

...Проводив вражеских послов и всячески улестив Келмембета, Азимбай впал в глубокую задумчивость. Он был вынужден подчиниться силе, и это отравляло и тело его, и душу. С горечью думал он о разбросанности своего народа. Ведь если враги уничтожат весь его род, остальные казахи ни знать, ни ведать ничего не будут. Будь проклята такая жизнь, когда каждого носит по этой степи как перекасти-поле! Что проку от

твоей силы и богатства, если ты не можешь протянуть руку помощи своему ближнему? Что проку от неоглядного простора твоих степей, если нет в них защиты для народа? Что проку от народа, если нет в нем единства? Долго ли еще быть нам жертвой недругов, бесследно исчезая с лица земли? И где тот народ, который мог бы оказаться мощным заслоном на пути врага? Где тот батыр, который защитит сестру от обиды, аул от разорения?

— Кого мы пошлем за Камбаром? — неожиданно спросил он собравшихся вокруг людей.

— Может, Кабыршак съездит? — предложил аксакал Жадигер, по возрасту второй в ауле после Азимбая.

— Не поеду я! — взвился Кабыршак. — Я его терпеть не могу. Да и он на меня обиду затаил.

— Попросишь у него прощения. Говорят, если пришел с повинной, то ему и смерть отца можно простить — сказал Азимбай.

— Нет, нет! Увидит он меня, еще больше обозлится!

— Тогда решено. Ты, Жадигер, сам отправишься к Камбару. Неужто батыр не уважит твои седины?

— Слушаюсь, — поклонился Жадигер.

— Теперь следует объявить всем казахским аулам, и дальним, и близким, что у нас будет той в тридцать дней и игры в сорок ночей. Постарайтесь, чтоб калмыки тоже об этом узнали. Гонцами нужно послать самых надежных и храбрых джигитов.

— А это позвольте мне взять на себя, — в почтении склонился перед отцом Алшыораз. — Калмыки будут думать, что мы сзываем народ на праздник, а я тем временем собираю войско. Мои гонцы оповестят лучших батыров всей нашей степи...

— Хорошо, сын мой, — согласно кивнул Азимбай, Кабыршаку было велено заняться лошадьми, Каразу пригнать стадо коров, Даразу откормить овец, Карымсаку готовить юрты для гостей, Сарымсаку позаботиться об угощении.

Распределив обязанности так, чтобы каждый в ауле, и стар и млад, знал, что ему делать, Азимбай призвал к себе Жадигера, который уже собрался в путь.

— Поселились мы, два главных рода, на границе с врагом, оказались на перепутье всех дорог, продуваемые степными ветрами. Все мы из разных родов, но происхождение у нас одно, все мы — казахи. И небо над нами одно — наше небо. Черные тучи нависли сегодня над нашими головами. Калмыки, чужья сила, обратили свой кровавый взор на наш род, а у нас слишком мало сабель, чтобы одолеть их. Мы позвали на помощь своих братьев, но далеки аулы друг от друга, и коварный враг выставил свои дозоры с четырех сторон. Знаю, Камбар в обиде на моих глупых сыновей, но перед ним виноваты «пятеро забияк», а не весь наш род, и не след ему гневаться на всех нас. Однако передай, что я считаю уместной его обиду. Ведь не зря говорится: «Разбитая голова скрыта под шапкой, сломанная рука прячется в рукаве». Но вправе ли он желать смерти брату своему, повздорив с глупцами? Пусть он крепко подумает об этом...

Высказавшись, Азимбай наполнил сумку Жадигера слитками золота и серебра, которые он посылал в дар роду аргынов из шестидесяти юрт и роду тобырлы из девяти юрт. А еще он приказал вынести девять сундуков, наполненных драгоценностями, коврами и шубами на килевой подкладке. И велел пригнать девять кобыл с жеребятами.

В ауле Камбара и в других бедных селениях, действительно ничего, что творится в ауле Азимбая. Бедняки наслаждались радостями долгих летних дней и коротких ночей. Иногда в одной из юрт раздавался первый крик новорожденного, и тогда весь аул приглашался на скромное торжество — шилдехану. Молодежь по вечерам качалась на качелях, играла в кости. Молодые женщины шили рукавицы и тымаки из звериных шкурок, добытых Камбаром, пожилые — мяли кожу, латали старые кошмы, кроили чапаны. То, что трудно было выполнить в одиночку, делалось всем миром, и тяжелая работа превращалась в веселый праздник.

Лето было на исходе, в воздухе чувствовалось дыхание близкой осени, и Камбар начал собираться в дорогу. С утра до вечера шли к нему старики, старухи, вдовы и сироты со своими жалобами и просьбами. Одним было

нужно сено, другие просили дров на зиму, у кого-то снесло ветром печную трубу или сорвало дверь с петель. Руки его все время были заняты — то он чинил конскую сбрую, то ладил серп, то проверял прочность волосяных арканов. Ему нужно было съездить на зимовье, чтобы накосить луговой травы для тех, у кого еще имелась кое-какая скотина, нарубить дров для беспомощных старух и стариков, а чтоб аул ни в чем не терпел нужды во время его отсутствия, он спешил переделать все остальные дела. Загорелый, обветренный, в кожаном переднике, он скорее был похож на простого кузнеца, чем на грозного батыра, чье имя приводило в трепет врагов. Однажды, устав от изнурительной работы, он вышел в поле, чтобы подышать вечерней прохладой, и увидел группу всадников, приближающихся к аулу. Незнакомцы, гнавшие перед собой тяжело навьюченных лошадей, с опаской, то и дело оглядываясь по сторонам, направились к нему, и Камбар пошел им навстречу, собираясь указать дорогу, если они сбились с пути или пригласить их переночевать, если они утомились от долгого путешествия.

— Ассалаумагалеюкум, — приветствовал он их.

— Уагалеюкумсалям! — ответил ему седобородый аксакал, ехавший во главе отряда. — Можешь ли ты, джигит, помочь нам, странникам, ищущим правильного пути, искателям, жаждущим обрести пропажу?

— Пропажа ваша найдется, а путь сократится. Коли вы странники, привязывайте коней близ моей юрты и будьте моими гостями. И пусть не пугает вас моя короткая шуба из козьих шкур. Не обессудьте, наша бедность известна, мы не можем зарезать для вас барана, но зато на славу угостим вяленой дичью.

Жадигер, а это был он, начал догадываться, кто стоит перед ним.

— Твои слова свидетельствуют о том, что я вижу сына хана Алимбая. Я не ошибся, дорогой?

— Да, но только имя мое не «сын хана Алимбая», а «Камбар на вороном коне».

Путники спешили и обнялись с Камбаром.

— Тогда путь наш ведет к твоему порогу, а пропажу мы надеемся сыскать в твоём сердце. Веди нас, джигит!— сказал Жадигер. Камбар исполнил его желание, и вскоре аксакал с плачем и причитаниями приветствовал хана Алимбая и байбише Акбилек.

— Мы приветствуем хана Алимбая, покинувшего трон ради наследника, но обретшего золотой трон в сердцах людей! Наш старейший аксакал Азимбай посылает вам девять кобылиц с приплодом, дарит вам слитки золота и серебра с лошадиную и баранью головы, шубы, ковры, осыпает вас драгоценностями и просит прощения за то, что так долго не подавал вести о себе.

Джигиты Жадигера внесли в юрту тюки с подарками, разложили их перед Алимбаем и Акбилек. Девять кобылиц с приплодом стояли у коновязи, и Алимбай со своей байбише невольно взгрустнули, вспомнив прежнюю безбедную жизнь.

— Слезы омывали белую бороду нашего Азимбая, когда он велел мне обратиться с просьбой к величественному как горы Алатау, сыну Алимбая и Акбилек, которого они вымолили у бога, презрев ради этого богатство и все соблазны мира. Дозвольте мне, Алимбай в Акбилек, изложить вашему сыну просьбу Азимбая, — начал Жадигер, когда его усадили на торе. Камбар, стоявший у порога, сел перед Жадигером.

— Нежданно-негаданно запылала наша степь, и мы гибнем в огне, потушить который способна лишь сила такого батыра, как Камбар.

Неведомые воды обрушились на нас, и, чтобы остановить смертельный поток, нужны храбрость и смекалка такого льва, как Камбар. Наш народ с надеждой смотрит на Камбара, и если тот ответят необдуманно, всех нас ждет поражение. Это самое главное, Камбар, из того, что велел сказать тебе Азимбай, отец красавицы Назым. Камбар, с первого взгляда я увидел в тебе истинного сына казахов, батыра, который следует всем заветам предков. И я готов в точности донести твой ответ до ушей Азимбая, лев мой!

Камбар, немного подумав, ответил:

— Обидными были для меня речи «пяти забияк» Азимбая, коривших меня бедностью, но я не держу зла на весь ваш род. Истинный казах не может оставаться в стороне, когда нависла угроза над народом. Я готов защищать народ от огня и воды, В урочный час я оседлаю своего вороного и явлюсь к вам. Вот мой ответ Азимбаю, тебе, аксакал, и всем остальным моим братьям из вашего рода.

Он невольно загрустил, вспомнив свою прошлую поездку к берегам Ну и то, как впервые встретился с Назым, приняв из ее нежных рук золотую чашу. И хотя их прощанье было омрачено шумом, который подняли ее задиристые братья, он был благодарен судьбе, потому что Назым обращалась с ним как с равным, что утешало его и гасило обиду. И вот — любимая и все ее близкие в беде. Он поможет им. Он не станет колебаться.

Часть VII

Жадигер между тем рассказывал Алимбаю, как появилось в их краях многотысячное войско калмыков и окружило аул, не дав людям возможности бежать из него. Он и его спутники чудом выбрались на волю, и если враги узнают об этом, нападут и на других казахов. «Назым, единственная дочь Азимбая, подобна меду в золотой чаше, и мы опасаемся, как бы эти собаки не вылакали наш мед», — добавил он.

— А я — единственный сын своих родителей,— отозвался Камбар на его последние слова,— и мне нужно еще немного побыть с ними, но ровно через пять дней я, с разрешения отца и матери, выступлю на врага. Благословляете ли вы меня?— повернулся он к Азимбаю и Акбилек. Они провели ладонями по лицу.

— Благословляем, сын наш...

Жадигер, его джигиты сели на коней и не мешкая отправились в обратный путь. Избегая дозорных хана Карамана, они к рассвету вновь оказались в родном ауле.

Люди с нетерпением ждали их, забыв о веселье и сне. Каждый гадал про себя, как же поступит Камбар? Пойдет против Карамана или сквитается за оскорбление, отказав в помощи.

Пуще всех томила Назым, хотя внешне она выглядела спокойной и даже равнодушной. Но огонь пылал в ее душе, разгораясь с каждым часом ожидания все сильнее и сильнее. Чего только не передумала она! Первоначально Назым окрыляла мысль, что Камбар любит ее и непременно кинется на выручку. Потом ее начали одолевать сомнения. «Он любит? Да разве любят так?» Ведь он так и не появился здесь, даже через кого-нибудь не захотел дать знать о себе. Неужели он не чувствует, как болит мое сердце, изнемогает от любви? Или его, прославленного храбреца, так напугали мои разудалые братья?»— Она металась по юрте, не находя себе места. Вспомнила, как два дня назад решила отправиться на охоту. Приготовила лук, стрелы, воинские доспехи, выбрала подруг, которые должны были

сопровождать ее в пути. Она надеялась встретиться на охоте с Камбаром, да только не суждено было совершиться задуманному — именно в тот день и нагрянул в аул Келмембет с джигитами. Она так и не снимала доспехи, собираясь дорого продать свою жизнь.

Мучаясь от неразделенной любви, оскорбленная насилием, которое чинили враги, она ласково провела ладонью по острию стрелы и прикоснулась губами к луку, как бы давая клятву.

— Настанет час, и вы поможете мне, верные друзья мои! — сказала она и снова задумалась.

«Если Камбар откажет в помощи, значит, он не любит меня. Быть красивой и нелюбимой — нет ничего более унижительного для женщины. К чему тогда эта красота... Остается одно: вооружиться, оседлать своего верного коня и с копьём в руке встать рядом с братом Алашоразом. Если дело дойдет до поединка, я сама вызову Кармана и сражусь с ним. А тогда — или уничтожу его, или найду свою смерть...»

Она представила себе, с каким криком побегут врассыпную калмыки, когда ее копьё пронзит Карамана. И вот как может быть: она сражена вражеским ударом, она падает, роняя шапку, и Караман видит, что сражался с девушкой. Хан в замешательстве смотрит на нее расширенными от удивления глазами.

Пусть будет так! — мысленно твердила она. — Пусть пронзит мою грудь стальное острие, лишь бы не коснулся меня поганая рука Карамана. Но успокоятся, уйдут ли прочь калмыки, убив меня? Обозленный тем, что не досталась ему, Караман подожжет степь, разорит юрты... Стариков будут таскать за бороды, джигитов перережут, а женщин и молодежь угонят в рабство. Что станет тогда с бархатными полями Биртобе, с серебристой водой озера Ну?!»

Ее большие, как у жеребенка, глаза вновь наполнились слезами. Воображение рисовало ей, как ненавистный Келмембет хватает за бороду ее любимого отца, как волочат по земле связанную мать, как гибнут один за другим братья, рыдают женщины...

И в это время залаяли собаки, послышался конский топот. Назым замерла, сжимая в руке копье, но всадники промчались мимо ее юрты, и она поняла, что это наконец-то вернулся Жадигер со своими джигитами. Посланец перешагнул порог юрты. Азимбай сидел на торе, не отводя застывшего взгляда от входа. Его байбише Даналык молча сидела у деревянной кровати, украшенной резными костяными фигурками. Неподвижны были Караз, Дараз, Карымсак и Сарымсак. Лишь Кабыршак нервно шевелил короткими кошачьими усиками. Казалось, что Азраил, ангел смерти, только что посетил эту юрту, забрав с собой души ее обитателей. Жадигер поприветствовал сидящих, но не услышал никакого ответа. «Может, мне уши от быстрой езды заложило?»— подумал он и стал ковыряться в ухе. Все по-прежнему молча смотрели на него. И наконец Жадигер прервал это тягостное безмолвие.

— Батыр Камбар согласился приехать,— сказал он.

— О, барекельды!— загалдели в юрте. Даналык заулыбалась, будто только что отошла ото сна, оживились, зашевелились сыновья Азимбая. — Ну, а что он передал нам? — спросил Азимбай.

— Да говори ж ты, старик, не томи!— торопил Жадигера Кабыршак.

К этому времени весь аул сбежался к юрте Азимбая. Люди шепотом поздравляли друг друга: «Камбар едет! Наш Камбар!» Забегали невестки, поднося Жадигеру и джигитам чаши с кумысом. Жадигер осушил чашу, вытер выступивший на лбу пот.

— Скажу, Кабыршак, скажу... Камбар в большой обиде на тебя, Караза, Дараза, Карымсака и Са-рымсака...

— Да провались он со своей обидой, — не удержался Кабыршак.

В толпе послышался смешок.

— Но он сказал: «Не брошу в беде свой народ из-за пяти глупых джигитов. Коли пришла беда, я готов биться с врагом! Пусть люди ждут меня. И Алимбай с Ак-билек благословили сына. Пристыженные братья молчали, А в толпе раздались крики:

— Вот это настоящий джигит!

— Истинный батыр этот Камбар!

Вновь послышался топот копыт. «Алшыюраз, Алшыюраз едет!» — пронеслось в толпе, и все расступились, давая ему дорогу. — Твой нищий дружок тебе привет посылает... — ехидно шепнул брату Кабыршак, которому, казалось, не стало совестно после слов Жадигера.

— Главное, что он едет!— отрубил Алшыюраз. — Говорят, нищий не тот, кто беден скотом, а тот, кто душою беден. Он подошел к отцу и склонился перед ним. — Аке,— сказал он.— Я получил ответ от многих батыров. Скоро на подмогу нам выступит большое войско.

— О, барекельды!— Азимбай, выпрямившись, еще больше приободрился, и радость охватила казахов.

Младший сын Азимбая Сарымсак был изрядным упрямым, не дававшим никому спуска ни в споре, ни в драке. Вечером, пригнав в ханский стан овец, он сцепился с мясником-калмыком.

— Ты нарочно выбираешь никуда не годных овец!— кричал ему мясник.

— Да пусть лопнут твои глаза, если ты когда-нибудь вдел худую скотину в такое благодатное время года, сукин ты сын!— ткнул его в грудь кулаком Сарымсак.

Калмык в ярости вскочил, готовый перерезать ему глотку, но окружающие схватили его за руки, не давая разгореться драке.

— Не позволим тебе лупить ханского шурина!— подшучивали они над незадачливым драчуном. Но шутки шутками, а при упоминании имени Карамана мясник мгновенно остыл и больше не докучал Сарымсаку придирами.

На следующий день, когда опять гнал отару на убой, он услышал голос Кабыршака.

— Брат, брат! Погоди...

Запыхавшийся Кабыршак догнал его и предложил: — Хочешь, я сегодня вместо тебя поработаю? Сарымсака, который к тому же был немного ленив, слова брата не удивили, не огорчили, а даже обрадовали, и он с готовностью передал ему свой кнут, — Давай, коли охота есть. А только эту прорву нам никогда не заполнить. У этого хана с его нукерами такой аппетит, будто они всю жизнь постились,— заявил он на прощанье. — Тихо! О черни можешь болтать что угодно, а хана не смей задевать. Хан он и есть хан! — напыщенно изрек Кабыршак. — А для меня все едины, что чернь, что хан, если они наши враги! — упрямо возразил Сарымсак. — По мне они хуже собак или шакалов, да и как их еще называть, если каждый божий день пригоняешь им по сотне коров, по сотне лошадей, столько же овец, баранов, и все это проваливается как в прорву...

— Ну, сегодня я сам порадую их глотки... — Кабыршак хвастливо ударил себя в грудь.— Скажи, а ты видел нашего дорогого зятя?

— Кого? Карамана? Не видел и смотреть на него не желаю. Это ты смотри, как бы тебе вместе со скотиной к ним на зуб не попасть,— усмехнулся Сарымсак. — Хотя на что калмыкам Кабыршак, проглотят тебя да обратно выплюнут.

— Ладно, это мы еще посмотрим, кто кого выплюнет,— осадил его Кабыршак.— Ступай в аул, а меня в ближайшее время не ждите. Завтра скотину снова ты погонишь.

Сарымсак, стегнув коня, поскакал в аул, Кабыршак направился в стан калмыков.

Он думал, что его сразу же отведут к Караману, но воины окружили его тесным кольцом и, потешаясь над ним, долго не выпускали. Наконец один из них признал в нем сына Азимбая, и его привели к шатру Келмембета, куда Кабыршак вполз чуть ли не на четвереньках и распластался перед Келмембетом, обнимая его ноги и приговаривая, что его зовут Кабыршаком, что он — старший сын Азимбая, старший брат красавицы Назым, старший шурина самого хана Карамана.

— Ты узнал меня? Мы ведь встречались с тобой, достопочтенный Келмембет! — Кабыршака не на шутку напугало многозначительное

молчание ханского визиря, Келмембет важно кивнул в знак согласия. — Как, говоришь, твое имя? — переспросил он, смачно сплюнув через плечо.

— Кабыршак, мое имя Кабыршак, господин.

Я — сын Азимбая, брат Назым, шурин Карамана, — снова залепетал Кабыршак.

— Знаю. Келмембет знает все. Ты — уважаемый шурин хана. А где твой брат, самый глупый из вас?.. Как его зовут?.. — Келмембет сделал вид, что ему изменила память.

— Ты спрашиваешь об Алшыоразе? Он остался в ауле, уважаемый Келмембет. Я один пришел, я нарочно один пришел, у меня есть важная новость.

— Хорошо, что этот дурак далеко от нас, — как бы небрежно, но на самом деле сильно обрадовавшись, сказал Келмембет. — Ну, а ты с чем пожаловал?

— Господин, не обессудьте, мне нужно видеть зятя и поговорить с ним наедине. Это — большой секрет. Не гневайтесь.

Хитрый Келмембет сразу понял, что Кабыршак намеревается подольститься к хану, и решил во что бы то ни стало выведать его тайну. Поэтому он начал разговор издалека.

— Налейте кумысу с ханского стола старшему шурина великого хана! — распорядился он, еле заметно подмигнув слуге.

Слуга тут же поднес гостю пиалу с кумысом, заквашенным и настоящим на дурмане. Кабыршак с жадностью осушил пиалу, не оставив на доньшке ни капельки, и вскоре сильно захмелел.

— Я много раз говорил о тебе хану как о лучшем из сыновей Азимбая, ты слышишь меня, Кабыршак, — вдруг неожиданно ласково заговорил Келмембет. — И уверен, что как только хан женится на твоей сестре, он тут же пожалует тебе титул хана и ты станешь владыкой всех казахов. Твой отец стар, Алшыораз глуп. Так кому же быть ханом, если не тебе?

— Некому, — согласился Кабыршак. — Я тоже над этим думал.

— Считай, что твои мечты сбылись. Шурина хана быть ханом, и ты станешь им! Но для этого ты должен постараться, чтоб твою сестру как можно быстрее выдали за Карамана.

— Правильно... быстрее... за Карамана...— бормотал Кабыршак— Но только сначала нужно уничтожить Камбара. Все остальное яйца выеденного не стоит...

— А кто такой Камбар?— шепотом спросил Келмембет, сразу почувствовав недоброе.

— Нищета... рвань... Батыр из ногайлинцев... Алшыораз хочет за него выдать сестру. А я! — Кабыршак стукнул кулаком по коленке.— Я за то, чтоб ее мужем стал хан Караман. Что нам толку от нищего батыра, зато теперь я — ханский шурина и хан казахов... Вот я и пришел, чтобы рассказать обо всем светлейшему Караману.

— Отлично поступил! Именно таким и должен быть старший шурина хана! Где сейчас этот Камбар?— выпрашивал Келмембет.

— Их аулы кочуют близ озера Саз. Это на расстоянии одного дневного перехода отсюда...

— И что же, он сильнее Алшыораз, этот голодранец? — Сильнее!— повесил голову Кабыршак.— В десять! В сто раз сильнее! Камбар... Алшыораз... Они уговорились идти против Карамана... И отец с ними в сговоре... И сестра... Они все заодно, один я против...Все... Я- Один... И Кабыршак забылся крепким сном. Келмембет приставил к нему охранника, а сам со всех ног побежал к хану.

Караман сидел окруженный своими беками. Келмембет доложил и попросил разрешения молвить слово.

— Говори,— кивнул хан.

— От моего вездесущего ока ничто не может укрыться, о, досточтимый хан, и я только что узнал, что в этих краях есть один головорез по имени Камбар. Человек он нищий и ничтожный, и я не стал бы оскорблять слух великого хана упоминанием этого имени, но дело в том, что нахал смеет смотреть туда же, куда смотрит мой светлейший владыка.

— Да?— удивился хан.

— Да. Мало того, смутьян не только сам на что-то надеется, но и других подбивает против моего великого хана.

— Интересно... Ну-ка, веди его сюда! Посмотрим, надолго ли хватит его храбрости!— велел Караман. Такой оборот дела сильно не понравился Келмембету, которому и встречи с Алшыюразом было вполне достаточно. — Я бы привел, великий хан, но он, говорят, батыр, Велите послать кого-нибудь другого.

Часть VIII

Камбар только что вернулся с зимовки, где косил сено и рубил дрова, и теперь ухаживал за своим конем — чесал ему гриву, ласково похлопывая по крупу, — когда в аул въехали незнакомые всадники. Вороной, слышав топот копыт, застриг ушами и заволновался, но Камбар даже не оглянулся, полагая, что это едет кто-то из своих. Спокойствие хозяина передалось коню, и он стоял, неотрывно глядя огромными любопытными глазами на приближающихся незнакомцев.

Келмембет сразу узнал Камбара и его вороного по описаниям Кабыршака, но счел, что тот скорее преуменьшил их мощь, ибо вороной, как вдруг показалось визирю, был размером с двугорбого верблюда, а Камбар выглядел настоящим сказочным великаном. Келмембет, не рискуя приблизиться, остановил своего коня на порядочном расстоянии от Камбара и обратился к нему дрожащим голосом: — Камбаржан, дорогой, здоров ли ты?

Камбар, думая, что с ним говорит кто-нибудь из аксакалов аула, обернулся, тоже собираясь поздороваться, но, увидев хорошо вооруженных, но тем не менее испуганно сгрудившихся калмыков, насторожился. — Как видишь — здоров. Что ты еще хочешь сказать мне? Келмембет на всякий случай отступил еще немного. Голос батыра не предвещал ничего хорошего.

— Мы — посланцы хана Карамана, дорогой Камбаржан. Вот уже несколько дней мы гостим в ауле Азимбая, чтобы... — Келмембет вдруг прикусил язык, опасаясь, что Камбара разъярит упоминание имени Назым. — ...Чтобы... ну, короче, я о другом. Дело в том, что хан умирает со скуки среди женщин и детей и послал меня за тобой... Веди, говорит, его сюда! То есть нет... Он велел передать тебе эти слова, а самому мне немедленно возвращаться. Вот я и передаю: хан Караман велит тебе пожаловать к нему. — Кто же так передает слова хана? Разве можно говорить с незнакомым человеком, даже не спешившись? — Камбар вразвалочку направился в сторону Келмембета, тот поспешно повернул коня.

— Не задерживайся, дорогой!— крикнул он, стегнув белого иноходца плеткой.

Со страху Келмембет скакал без остановки до самого стана калмыков, и свита вместе с Кабыршаком никак не могла за ним угнаться. «Дважды, нет, теперь уже трижды побывал я в пасти льва. Неужели и на этот раз довелось уцелеть»,— все еще не веря своей удаче, бормотал Келмембет. «Как бы этот Камбар не оказался тем самым львом, встреча с которым сулит смерть Келмембету?»

Но, въехав в ханскую ставку, он вновь приостановился, напустил на себя прежний важный вид и, гордо задрав голову, вошел в шатер Карамана. — Великий хан, я выполнил твой приказ и разыскал Камбара. Стоило этому голодранцу узнать, что его призывает к себе великий хан Караман, как он затрясся, будто осенний лист. Скоро он прибудет сюда и, ручаюсь, буду вести себя как кроткий ягненок, о, великий хан!.. — Молчать!—рявкнул Караман.— Шутки вздумал со иной шутить? «Великий хан, великий хан!..» Как смел ты, не выполнить моего приказа? Тебе было велено доставать его, так где же Камбар? И кто помешал тебе бросить к моим ногам? Да кто они такие, казахи, чтобы противостоять нашей силе? А ты вместо того, сказываешь бредни! Джигиту лучше умереть, чем послушаться повелителя! Неужто ты и на самом деле из батыра превратился в бабу?

Угодливо склонившись перед ним, Келмембет дрожал от страха, покрываясь холодным потом. Однако, выждав паузу и собравшись с духом, все же проямлил жалостливо:

— Я, твой верный слуга, часто поднимал меч на женщин и сирот, хан. И насилие, которое стало спутником моей жизни, привело меня к беде. Моя жестокость обернулась для меня тяжким горем. После того как Алшыюраз изуродовал меня, рука моя больше не поднимается на человека...

И, желая еще больше смягчить гнев хана, добавил:

— Камбар обещался прибыть через три дня, к закату...

— Очень мне нужно знать, что обещал этот голодранец,—буркнул хан.

И Келмембет возрадовался его словам, потому что опять приврал — Камбар конечно же не давал ему никакого обещания. Келмембет выведал у Кабыршака, когда приедет батыр, и решил: если Камбар явится в назначенный день, хану будет не до визиря, а если не приедет, он, Келмембет, еще что-нибудь придумает. Лишь бы сейчас его снова не отправили на верную погибель к этому ногайлинцу.

Гневался и Камбар, вспоминая встречу с посланцем Карамана. Кабы не был он столь одинок и беден, хан никогда не посмел бы так бесцеремонно с ним обращаться. Он даже заколебался — не оседлать ли ему вороного, не пуститься ли вдогонку за Келмембетом, не наброситься ли коршуном на предводителя калмыков прямо сегодня, сейчас, но Алимбай остудил его пыл. — Сын мой,— сказал он.— Твои предки вступали в бой с врагом на закате четвертого дня недели. Впереди у тебя еще две ночи и три дня. Помоги аулу перекочевать на зимовье. Ведь старики без тебя не справятся! А уж потом, испросив благословения у аксакалов, отправляйся в путь. Несмотря на то что была темная, хоть глаз выколи, ночь, Камбар велел разбирать юрты и готовиться к переезду. Две ночи и два дня, не зная ни сна ни отдыха, переезжали аулы аргынов и тобырлы на зимовье, а на третий день Камбар надел воинские доспехи, вооружился как подобает батыру, взял в руки повод вороного и поклонился землякам, вышедшим проводить его. Двое белобородых аксакалов вышли вперед и, раскрыв ладони, благословили Камбара следующими словами:

— Да будет радостным путь твой, сын, и другом станет тебе Кыдыр мы знаем, ты победишь врага, душа твоя обретет счастье вновь.

— Уа, алла! — хором поддержали их остальные люди.

Алимбай подошел к сыну и привязал к его поясу острый кинжал. Акбилек подала сыну щит. Двое старцев несли копье со шкурой льва, прикрепленной к древку.

Старики отступили. Вперед вышли женщины, и каждая из них дала воину какое-нибудь угощение в дорогу. Женщины смазали маслом копыта вороного.

— Да не сотрутся они вовеки,— приговаривали они, и вороной, будто понимая смысл их речей, согласно кивал головой. Малыши, окружив батыра, теребили его, шумно желали доброго пути.

Камбар поблагодарил своих сородичей, помолился духам предков и сел на коня.

— Родные мои! Знайте, я вернусь с победой. А пока завещаю вам: держитесь вместе, молодые должны позаботиться о старых, а старые пусть поддержат их мудрым советом.

Он развернул коня и поскакал.

— Возвращайся невредимым!

— Мы ждем тебя!— кричали ему вслед. Направляясь к стану калмыков, расположившихся на берегу реки, Камбар вновь оказался в ауле Азимбая. Издали был слышен мощный топот копыт его вороного, и все жители аула высыпали из своих юрт, поджидая батыра. Не успели они опомниться, как на окраине появился Камбар с развевающейся на древке копыа шкурой льва. Не останавливаясь ни на секунду, он мчался прямо к калмыкам, подав воинам аула Азимбая знак следовать за ним.

— Камбар идет!

— Аксарбас!

— Аксарбас! — Этим своим родовым кличем аул Азимбая приветствовал своего спасителя.

На закате Камбар въехал в становище врага, кишящее воинами, как змеиное гнездо. Он остановился у разукрашенного, пестрого шатра Карамана и крикнул могучим голосом:

— Эй, кто-нибудь есть здесь?

Караман в это время развлекался, потешаясь вместе со своими приближенными над Кабыршаком, которого вновь опоили дурманном кумысом. На голову ханского шурина вместо короны натянули мешок из-под овса, плечи его покрывала конская попона.

— Ну говори, что ты сделаешь, когда станешь казахским ханом? — спрашивал Караман.

Кабыршак, выпучив глаза и дергая плечами, отвечал: — Господин зять, когда я стану ханом, то первым делом уничтожу дерзкого Камбара.

— А потом?

— Потом отберу у его рода все выпасные земли, — Как же ты собираешься убивать Камбара?

— Вот так! — Кабыршак рукояткой плети, как копьем, ударил себя в грудь, но, не рассчитав сил, свалился от удара на землю.

Караман и все остальные изнемогали от хохота, когда вдруг раздался громopodobный голос.

Свита хана испуганно затихла, пытаясь понять, кому принадлежит голос, некоторые от страха даже начали молиться втихомолку. Лишь двоим в этом шатре с самого начала все было ясно и понятно: Кабыршаку и Келмембету. Кабыршак, завернувшись в попону, спрятался за чужими спинами, а Келмембет заметался, ища выхода, бросился к двери и, увидев грозную фигуру Камбара, вернулся назад. Но было поздно. Узнав его, Камбар спрыгнул с коня и вошел в юрту. Увидев стройного и высокого как тополь, широкоплечего юного батыра, Караман растерялся и спросил:

— Ты Камбар?

— Да, — ответил Камбар, приближаясь к Караману.

— Тогда проходи, садись, — хан, подвинувшись, освободил для гостя место.

Громыхая и сверкая доспехами, Камбар уселся рядом с ханом, и стало видно, что Караман выглядит рядом с батыром как жеребенок по сравнению с матерым верблюдом. Хан был крепко напуган, но, искусно пряча свой страх, начал разговор с угроз.

— Если бы ты еще хоть немного задержался, я бы велел убить тебя, Камбар, — сказал он.

— Я думаю, ты сменишь гнев на милость, когда узнаешь о причинах моей задержки.

— Говори, что за причины?

— Их несколько.

— Назови хотя бы одну.

— Я помогал аулу переехать на зимовье.

— Понятно. Какова вторая причина?

— Меня позвали, чтобы потушить пожар, который чуть было не погубил наши джайляу.

— Третья причина?

— И третья есть. На дороге я встретил черного коршуна, налетевшего на охотничьего сокола, который добыл своему хозяину гуся. Я убил черного коршуна.

— Может, у тебя еще есть причины?— начал сердиться хан.

— Есть...— Камбар выглядел невозмутимым.— На борзую, с трудом поймавшую лебедя, рыча напал старый пес. Я разнял их, потому и задержался. А потом ехал к тебе и думал: вот так же и ты, хан Караман...

— Что я?

— Ты, как пожар, губишь нашу землю. Вообразив себя женихом Назым, паришь черным коршуном, рычишь как старый пес... Давай не станем уподобляться глупым людям, Караман, и перестанем враждовать. Не обижайся на мои слова, но я тебе советую: забирай свое войско и убирайся, пока не поздно, в свою крепость. Мирно. Подобру-поздорову, Я считаю, так будет лучше и для тебя, и для нас.

— Есть и другой путь, чтобы все решилось,— еле выдавил из себя хан.

— Какой?

— Путь меча и копья. Я вот сейчас прикажу выхолостить тебя, как жеребца, чтобы прекратился весь проклятый род твой, а потом велю отрезать

твой длинный язык.— постепенно свирепел хан.— Но это потом. А сейчас я спрашиваю: готов ли ты биться со мной?

— Готов!— Камбар в два прыжка выскочил из шатра и взлетел на коня.

— Поединок! Поединок!—далеко окрест раздался зычный крик его, подобный рыку льва.

В шатре Келмембет принялся уговаривать Карамана не вступать в бой:

— Великий хан, если ты убьешь Камбара, то погибнет всего лишь какой-то безвестный батыр, но, если навлечешь ты, всему нашему народу гибель... Не лучше дело миром или хитростью? Но, опьяненный злобой, Караман не слушал его.

— Бейте тревогу! Готовьтесь к смертельной схватке!— приказал он своим бекам.— И сами за оружие беритесь! Вы должны показать воинам пример доблести и силы. Трусов я буду карать собственными руками! Затрубили трубы. В стане калмыков поднялся переполох. Воины седлали коней, готовили оружие к бою.

— Поединок! Поединок! — снова крикнул Камбар.— Караман, если ты мужчина, выходи на поединок. Трус, не прячься за спины своих нукеров! Куда бы ты ни скрылся, я найду тебя! Я выпущу кровь из твоих жил, уведу твоего коня и спалю твое седло на костре! Выходи, выходи, Караман, если ты джигит, а не баба!

Вороной Камбара гарцевал на месте от нетерпения.

Часть IX

Караман надел доспехи и велел привести своего верного коня Кулбадама. Он решил принять вызов, так как не было у него другого выхода. Хан сел на коня, поднял меч и, окруженный воинами, бросился на Камбара. Камбар взмахнул саблей, и несколько вражеских голов покатались к ногам ханского коня Кулбадама. Приземистые калмыцкие лошади бросились врассыпную, волоча по траве обезглавленные тела всадников.

— Эй, Караман!— крикнул Камбар, указывая на трупы.— Эти люди погибли по твоей вине, и, если ты не станешь биться честно, всех вас ждет та же участь» Если ты любишь свой народ, если ты настоящий хан выходи один. Одержжишь победу — сохранишь свой народ, но даже если проиграешь, я даю тебе слово отпустить на родину тех джигитов, кто не будет оказывать мне сопротивление.

Нукеры хана отступили, и Караман снова поднял меч. Сразу же после появления Камбара в ауле Азимбая казахское войско, собравшееся на берегах Ну, стало готовиться к бою. Как морские волны, вздымаемые бурей, сотня за сотней двинулись на врага джигиты, вознося хвалу аллаху и прося у него защиты и поддержки. Во главе каждой сотни ехали самые сильные батыры, известные и неизвестные, молодые и старые. Когда до становища калмыков остался один перевал, джигиты услышали зычный крик Камбара, вызывающего на поединок хана Карамана, и, предвкушая близкий бой, пустили коней вскачь.

Впереди всего войска, стремя в стремя ехали двое батыров. Одним из них был Алшыораз, имя другого, который выглядел почти мальчиком, не знал никто из воинов. И кони, и доспехи были под стать храбрецам; Конь Алшыоразы легко брал любое препятствие, встретившееся на пути. Скакун юного батыра, вытянув длинную шею, тоже летел как ветер. — Лев наш! Он уже сражается!— воскликнул Алшыораз, услышав мощный крик Камбара. И хлестнул плеткой коня, который и так мчался как вихрь. У красавицы Назым, а это она скакала рядом с братом Алшыоразом,

переодевшись в костюм молодого батыра, при звуках родного голоса сердце запылало как пламя и слезы брызнули из глаз.

«Сохрани его аллах!»— взмолилась она и, стиснув зубы, взяла наизготовку дуй, готовая защищать свое достоинство, честь и любовь.

Когда хан и Камбар схватились не на жизнь, а на смерть, первые ряды казахских войск встали против калмыков, и обе стороны с надеждой и тревогой следили за исходом боя.

Схватка началась с сабельного поединка. Сабли скрежетали, рассыпая снопы искр, гулко бились сердца воинов, жаждавших победы, но по всему было видно, что Караману нипочем не совладать с Камбаром, Первым это понял Келмембет. Незаметно отделившись от окружающих, он вернулся в ханский шатер и вытащил из-под попоны трясущегося от страха Кабыршака.

— Эй, Кабыршак, ты понимаешь, что мы с тобой одной веревочкой связаны?— зашептал Келмембет.

— Что прикажешь делать, господин?— спросил Кабыршак, стуча зубами.

— Если Карамана убьют, ты должен защитить меня.

— Защитить? Я боюсь, как бы Алшыораз меня самого не прикончил.

— Не бойся.

— Почему?

— Ты скажешь, что мы силком задержали тебя, когда ты пригнал скотину, и они поверят тебе. А про меня говори, что это я спас тебя от смерти. Ты понял меня?

— Понял, господин.

— Если казахи подарят мне жизнь, я вернусь домой и стану ханом вместо Карамана. Соберу новое войско убью Камбара, возьму в жены Назым, а тебя обещаю назначить ханом казахов. Ты ведь хочешь быть ханом?

— Хочу, господин.

— Значит, мы должны держаться друг за друга. Следуй за мной...

И Келмембет потащил за собой Кабыршака, как телка на веревочке. Не надевая доспехов, они сели на коней и смешались с толпой. ...Сражающиеся бросили сабли. Караман замешкался, и Камбар с яростным воплем вонзил в него копье. Сила удара была такова, что ханский конь Кулбадам припал на колени. Камбар чувствовал, что копье вонзилось во что-то мягкое и податливое. Он не ошибся — смяв белый щит, он пронзил хана насквозь. Напрягшись, вышиб Карамана из седла, и багровая кровь хана оросила казахскую землю.

— Камбар!

— Аксарбас!

— Аксарбас! — радостно кричали казахи.

Назым заметила, что из толпы калмыков вдруг вырвался какой-то всадник и во весь опор поскакал к казахам.

— Стой, Кабыршак! Стой, предатель!— кричал ему вслед Келмембет,— но всадник даже не оглянулся. Келмембет поднял лук, выстрелил, и всадник, зашатавшись, выпал из седла. — Кабыршак! Брат мой!— крикнула Назым и выпустила из лука стрелу, которая поразила Келмембета прямо в сердце.

Все это произошло в мгновение ока. Никто, кроме Алшыюраза, не понял, кто в кого стрелял и что за человек погиб, так и не достигнув казахских рядов.

— Кто еще хочет биться со мной?!— крикнул Камбар. В круг вышли один за другим пять калмыцких батыров, но пяти ударов копья было достаточно Камбару, чтобы сразить их наповал. Калмыки тесным кольцом стали обступать его. Казахи с гиканьем бросились на врагов.

Страшной была эта кровавая сеча, в которой победа досталась казахам! На рассвете, когда последние из калмыков перестали сопротивляться, Алшыюраз, Камбар и Назым объехали поле боя, усеянное трупами. Храпели, трясли гривами, испуганно косились на мертвецов кони, и опечалились воины. Они остановились неподалеку от ханского шатра и увидели труп

Карамана, по лицу которого ползали мухи. Рядом лежал один из беков Карамана, пронзенный стрелой, и, взглядевшись в него, Камбар воскликнул:

— Да это Келмембет! Интересно, кто же прикончил эту собаку?

— Да, это он,— подтвердил Алшыюраз.— Я был свидетелем меткости Назымжан, это она подстрелила его. — Он улыбнулся сестре.

— Я заметила, что он целится в брата Кабыршака, но опоздала,— хмуро сказала Назым и наклонилась, чтобы выдернуть стрелу из груди Келмембета, но стрела не поддавалась.

— Зачем она тебе? — спросил Алшыюраз.

— На память, Пусть висит на кереге,— коротко ответила она, Камбар, спрыгнув с коня, помог ей вытащить стрелу. Он обтер ее пучком травы и протянул девушке. Назым зарделась и поблагодарила батыра.

— Разве Кабыршака убили? Я и не знал,— сказал Камбар, которому ничего не было известно о предательстве старшего сына Азимбая.

— Да,— нехотя подтвердил Алшыюраз, и Камбар раскрытыми ладонями провел по лицу, творя молитву.

— Этот несчастный мечтал стать ханским шурином и перешел на сторону калмыков. Ну и получил стрелу в спину от них же,— тяжело вздохнул Алшыюраз.

— И все-таки надо похоронить его на родной земле,— сказала Назым, едва сдерживая слезы.

Они разыскали труп Кабыршака и положили мертвого брата на спину, вытянув руки вдоль туловища. На лице Кабыршака застыла предсмертная гримаса, глаза его неподвижно глядели в небо. К ним подъехали четверо джигитов. Плача и рыдая во весь голос, они бросались к Кабыршаку. Это были Караз, Дараз, Сарымсак и Карымсак.

— Не послушался меня! Ханом стать захотел, а теперь вот валяешься в лужи крови!— утирая слезы, голосил Сарымсак. Но Кабыршак, при жизни никогда бы не давший ему спуска, уже ничего не мог ответить на упреки.

— Хватит! Везите его на зимовье. Там мы его и похороним,— приказал Алшыораз.

Камбар велел оставшимся в живых калмыкам зарыть в землю трупы их погибших собратьев. Затем пленников увели далеко в степь, где Камбар, окруженный джигитами, обратился к ним, жалким, растерянным, сгрудившимся тесной кучкой, со следующими словами: — Вас было пять тысяч, когда вы пришли сюда, чтобы отнять наши земли и наших жен, но мы достойно встретили незваных гостей, и сейчас вас осталось немногим более пяти сотен. Вы целиком в нашей власти, и нам ничего не стоит казнить всех вас. Но мы не сделаем этого. Мы могли бы пойти на ваши земли и разорить их, на это у нас хватит сил,— Камбар указал на сплоченные ряды казахских джигитов.— Но и этого мы делать не будем. У нас у самих есть и драгоценности, и красивые девушки. Мы не падки на чужое добро!

Он глянул на Назым и улыбнулся.

— Вы хотели забрать красавицу Назым, вы хотели повелевать нами. Запомните: дочь казаха никогда не станет женой врага, дочь казаха никогда не склонит головы перед врагом! Смотрите, вот она, та самая Назым, чьей любви так жаждал ваш хан, и знайте — ваш батыр Келмембет пал от ее руки!..

Назым сняла воинский шлем. Длинные черные косы упали ей на плечи. Калмыки так и ахнули от неожиданности.

— Не отдадим врагу наших дочерей!.. — Никогда!

— Не отдадим!— зашумели казахи.

— Не пустим врага в тот сад, где цветут наши юные красавицы!

— Не пустим!

— Не бывать этому!

— Наша родина — вот наше богатство и наша сила,— взволнованно продолжил Камбар.— Наша родина— доля наша и наше счастье. Веками защищали эту землю наши деды и прадеды. В каждой травинке, что тянется к

солнцу, есть капля крови наших предков. И если мы позволим врагам топтать нашу землю, духи предков проклянут нас!

— Проклянут!

— Проклянут!

— Все вы живыми и невредимыми вернетесь на родину. Мы отпускаем вас, надеясь, что вы будете посланцами доброй воли казахского народа, а не останетесь его заклятыми, поверженными врагами, жаждущими мщения. Помните и знайте: казахская земля — западня, которая погубит всех, кто ступит на нее с дурными намерениями. У нас достаточно места для вражеских могил, и случись новая беда, знайте — под каждым кустом будут валяться вражьи головы! Казахская земля — приют для друзей, рай для ее хозяев и ад для врагов! Нам не нужны земли калмыков, черкесов, джунгаров, но и своей земли мы не отдадим ни пяди!

— Не отдадим!

— Не отдадим! — как клятву повторял эти слова народ.

— Так донесите же мои слова до всех ваших сородичей! Передавайте их из поколения в поколение, чтобы и мы, и потомки наши жили в дружбе и мире.

— Передадим!

— Передадим!

— Ты прав, Камбар!

— Спасибо тебе! — зашумели калмыки, не скрывавшие своей радости.

Часть X

И вот трое батыров подошли к той незримой меже, которая разделяла казахских воинов и плененных калмыков. Камбар воткнул в землю копье, Назым вонзила тонкую стрелу, Алшыораз прислонил к копьё измятый и продырявленный щит.

— Это стрела Келмембета, — сказала Назым.

— Этэ копье Карамана, — сказал Камбар.

— А это щит вашего владыки, — сказал Алшыораз.

— Мы оставляем их здесь, на границе, чтобы надолго помнилось вам ваше поражение,— объяснил Камбар.— Мы не хотим, чтобы наши соседи злобно косились на вас Мы хотим жить в мире и согласии.

— Клянемся! — трижды произнесли калмыки.

Шумным ликованием встретил победителей аул Азимбая. Окрыленные радостью, люди готовились к щедрому тою. Камбара сняли с коня и усадили в юрте. Алшыораз на белое войлочное покрывало как самого дорогого гостя. Назым расстелили тканый ковер и отнесли на руках в ее юрту. Смехом, шутками, песнями аул. В каждой юрте чествовали воинов, потчевала их самыми вкусными кушаньями. Девушки и молодые женщины ласково ухаживали за воинами, отчего у них закружились головы. Назым, окруженная невестками, сняла воинские доспехи, привела себя в порядок, расчесала волосы и косы, мгновенно превратившись из мужественного батыра в девушку-красавицу.

Она вошла в юрту родителей, рассказала им о смерти брата Кабыршака и о том, как она отомстила убийце Келмембету.

— Айналайын! — отец нежно прижал ее к груди и погладил по волосам.

— Первенец мой, зрачок глаз моих, тяжелый камень лег на грудь мою!
— вполголоса причитала Даналык, не хотевшая омрачить своими слезами всеобщей радости, — А где Камбар-батыр? — спросил Азимбай.

— Он в юрте Алшыюраза, — почему-то застыдившись, ответила Назым.

— Отправили ль гонцов к Алимбаю с радостной вестью?

— Думаю, что еще нет.

Азимбай велел позвать младшего сына Сарымсака.

— Сын мой,— сказал Азимбай.— Бери двух коней и скачи во весь опор к озеру Саз. Дай весть Алимбаю и байбише Акбилек, что враг разбит и сын их Камбар жив-здоров. Возьми с собой еще несколько лошадей для тоя, джигиты помогут тебе. Пусть аул Алимбая тоже празднует победу.

— Заждалась, наверное, сына Акбилек, - всхлипнула Даналык.

— Слушаюсь, отец,— ответил Сарымсак и направился к двери.

— Брат,— остановила его Назым.— Седлай моего Сандалкока. Он вмиг домчит тебя.

— Тогда, может, мне взять в пристяжку вороного, на котором ездит Камбар?— лукаво усмехнулся Сарымсак.— Видать, правду говорит пословица: на коне воду возят.

Назым смущенно отвернулась.

— Нет, сестренка, скакун невесты скоро понадобится ей самой. А я на своем доскачу...— Сарымсак, уходя, шутливо показал ей язык. Девушка была благодарна и отцу, и брату, и матери, что они были столь добры и снисходительны к ней, но долго усидеть в их юрте не смогла и вскоре, испросив их разрешения, отправилась с невестками к вдове Кабыршака. С плачем и причитаниями вошла она к ней, как того требовал обычай. Обняла ее, снова рассказала о смерти брата, пытаясь хоть как-то утешить ее.

— Говорят, если ребенок на этом свете не жилец, он сам к могиле стремится. Так и Кабыршак последнее время будто умом тронулся. Только

разговору и было у него, что о Карамане да о том, как бы ему самому ханом стать...— вздохнула вдова.— А тебе, Еркежан, спасибо, что отомстила этому проклятому Келмембету, это он его с пути сбил, это он стал его погибелью. Они посидели в молчании.

— У Алшыюраза гости, Еркежан, Ступай к нему, а я останусь одна свое горе горевать. Такая уж, значит, моя печальная судьбина, — вздохнула вдова.

Камбар томился в ожидании Назым. Он терял последнее терпение, ибо минуты, проведенные без нее, казались ему годами.

И вот она вошла в юрту. Он обрадовался как малое дитя, рванулся ей навстречу, но слова не шли ему на язык, и он радостно заулыбался, повторяя:

— Назым... Помнишь?.. Ты предлагала мне остаться в ауле хотя бы на один день. Если ты не передумала, я готов.

— Передумала? Неужто лишь сыновьями, умеющим держать свое слово, гордится наш народ? Я никогда не передумаю. И теперь прошу тебя остаться на тысячу дней. Неужели ты опять откажешь? Неужели снова не примешь моего предложения?

— А если не на тысячу дней, если навсегда хочу остаться я с тобой, Назым? Что тогда? — тихо спросил Камбар.

— Тогда я сделаю так. Батыр склонился над нею, высоко поднял ее над собой и не было в эту минуту на земле людей счастливее их.

— Когда над нами нависла угроза, я плакал, думая о завтрашнем дне моего народа. Но нашелся джигит, который спас нас. Я преклонюсь перед народом, породившим такого сына. Я благодарю всех, и старых и малых, и далеких и близких, за то, что все мы сумели объединиться в грозный для нашей родины час. А сегодня я плачу от счастья, и не судите меня за это, люди! Каждому отцу я желаю пролить слезы счастья. О, создатель, дай мир и согласие нашим потомкам! Скажи им, что мир и покой не снизойдут с небес, лишь единство, согласие и любовь являются порукой счастливой жизни. Так пусть же потомки наши не окажутся бездумными, слабыми и неумелыми. Пусть они как мать родную любят и берегут свою землю. Пусть будут они сыновьями и дочерьми, хозяевами и слугами, защитниками и владыками своей земли. Все мы не вечны, все мы когда-нибудь умрем. Но будут жить

наши потомки, опора наша, значит, и мы будем живы, значит, и наши желания, мечты и стремления не будут забыты. Дети мои! Храбрый Камбар-батыр и дочь моя Назым! Пусть будет мир в вашей юрте и вокруг нее! Пусть юрта ваша станет для народа святилищем! Будьте здоровы! Счастливого вам пути! Аминь!

Он расцеловал на прощанье дочь, зятя и отвернулся, чтобы люди не видели его слез.

С песнями и шутками провожал молодых аул. Караван невесты, красочный и шумный, растянулся по степи. Батыры, боевые друзья Камбара, скакали рядом с ним. Сверстницы окружили Назым.

Золотые колокольчики на шеях верблюдиц тонко позвякивали, и звон этот далеко-далеко разносился по степи, и караван шел, и звенели колокольчики, и влюбленные не в силах были наглядеться друг на друга. О, этот звон удаляющихся колокольчиков, тебя навсегда запомнила наша степь!